

Даниил Румянцев

ДЕТИ

Даниил Румянцев

Дети

«Издательские решения»

Румянцев Д.

Дети / Д. Румянцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851141-7

Эта история написана простым студентом и повествует о, возможно, последнем поколении людей, чьё детство не было отравлено компьютерной эпохой.

ISBN 978-5-44-851141-7

© Румянцев Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвёртая	26
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дети

Даниил Румянцев

© Даниил Румянцев, 2017

ISBN 978-5-4485-1141-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Малое путешествие, или История о трёх сорванцах

Глава первая

МОЖАЙСКОЕ ШОССЕ

Должен признать, что весна в Центральной России – явление своеобразное и крайне капризное. Крепкий мороз и повсеместная слякоть сменяют друг друга в течение всего марта. Мягкий южный ветер, приносящий тепло, настолько робкий, что едва потянет холодом с севера, как он тут же теряется, и всё вокруг вновь покрывается коркой льда. Мартовское солнце тоже не слишком ответственно подходит к делу и, едва растопив зимний лёд, бросает всё на полпути и скрывается за берёзовой чащей, оставляя все нажитые за день лужи, ручьи и слякоть у порога длинной тёмной ночи. Та в свою очередь сковывает всё это богатство крепким морозцем. И так продолжается до тех пор, пока апрельские дни не принесут тёплый южный воздух, от которого зима, робея на глазах, уходит талым серым снегом в прятные земли. Отсюда и отношение к весне в наших краях у всех разное и неоднозначное. Но весна девяносто восьмого года оказалась особенной и запомнилась мне надолго.

Было мне тогда тринадцать лет. Жил я с отцом и матерью в небольшой деревушке с названием Сосновка близ города Можайска. Уже настали апрельские дни, и я с нетерпением ждал, когда высохнут местные просёлочные дороги и я вновь смогу кататься по полю на своём стареньком велосипеде. Так, в одну солнечную пятницу моё желание сбылось – деревенские дороги подсохли, и я мог вскочить на моего гнедого коня – так я любил называть свой велосипед за характерную ржавчину во многих местах.

Должен заметить, что у нас с родителями были разные представления о сухости местных дорог. Я считал дорогу сухой, даже если на ней оставалось немного снега, а количество и размеры луж были такими, что их можно было как-нибудь объехать хотя бы в пятидесяти процентах случаев (в том возрасте я был равнодушен к математике и любил считать всё в процентах). Родители же считали такую дорогу слишком сырой и грязной, невзирая на мои математические выкладки. Поэтому гнедого коня мне доставали из сарая не сразу, а после многочисленных обещаний тепло одеться, быть предельно аккуратным и кататься только недалеко от дома по сухим тропинкам. Разумеется, каждый год все мои обещания растворялись в грязи, которая была в изобилии на одежде и ботинках после первой же весенней поездки. Виноватая улыбка была моим типичным оправданием в этих случаях.

Именно так всё было и той весной. Очистив запачканную одежду после первой моей поездки и поленившись очистить велосипед, я подумал завтра покататься ещё раз, может, даже махнуть в соседнюю деревню к своему другу Мишке. Деревня эта находилась в трёх километрах от нашего посёлка. Едва эта мысль проскользнула в моей голове, как я счёл её потрясающей, тем более что завтра была суббота.

«Отличное начало выходных», – подумал я.

В предвкушении завтрашнего дня я провёл вечер, но к ужину вдруг стал ощущать какую-то непонятную мне тоску. Следует отметить, что это недомогание в виде лёгкой скуки преследовало меня ещё днём и к вечеру обострилось. До самой ночи я так и не смог понять, отчего был повержен в такое состояние, и, так и не разгадав причину этого коварного вируса, лёг спать. Уснуть я так и не смог: всё сильнее одолевала меня таинственная тоска.

Это был первый день велосезона – лучший день в году, возможно, даже лучше дня рождения. Я думал о том, как скоро наступят майские праздники и я смогу кататься на велосипеде

целыми днями, наблюдая цветение весенних деревьев. А там и длинное лето не за горами – будем ездить с мальчишками на пруд, брать с собой из дома пироги на весь день и играть в футбол на берегу.

Так мы проводили каждое лето, и каждый год я ждал этого с нетерпением. И в этот самый момент я осознал причину моей затянувшейся вечерней тоски. Ведь всё, что меня ждёт – майские праздники за рулём велосипеда напролёт, пикники и летние поездки на пруд с друзьями, – всё это повторяется из года в год. Мы всё так же будем подшучивать над чудной причёской Валерки, нашего двоечника, всё так же спорить на камень-ножницы-бумага, кому достанется последний пирожок из корзины, на пруду всё так же будем соревноваться в прыжках со старого дуба. А потом наступит август. Вечерняя свежесть сменится сначала мягкой прохладой, а потом и вовсе прогорклым туманом. Ясное звёздное небо всё раньше и раньше будет накрывать наши улицы, а утренняя прохлада будет держаться почти до полудня. Время пролетит быстро, и мы не заметим, как наступит сентябрь. Подует холодный ветер, начнутся дожди, станут длиннее ночи и короче дни, а самое главное, закончатся каникулы, и надо будет снова идти в школу. Но меня печалило не скорое окончание летних каникул, которые ещё даже не начались, и не неизбежный приход осени. Мне не давала покоя мысль о том, что я уже знаю, как проведу это лето, что всё повторится вновь по старому сценарию нашего детства. Я вдруг осознал, что вовсе не хочу этого, а хочу чего-то нового.

Но всё же я очень любил кататься на велосипеде с самого детства и этим летом так же планировал накататься вдоволь. Но весь мой водительский стаж ограничивался ездой только по трём дорогам: центральной улице в нашем посёлке, заросшей травой дорогой в лес, по которой мы обычно ходили за ягодами и грибами, и разбитой асфальтовой дорогой до соседней деревни. Каждую из этих дорог я знал вдоль и поперёк. Знал места, где в дождливое время образуются лужи, знал, где самые глубокие ямы и самые суровые кочки, знал, где ждать крутой спуск, на котором мы любили разгоняться, и знал, как утомительно будет подниматься на обратном пути. Я понял, что мне наскучило это однообразие придорожных пейзажей, что было бы недурно отправиться в путешествие на моём гнедом коне и увидеть новые места. Тотчас мне пришла идея выехать завтрашним утром на Можайское шоссе. Я хорошо знал эту дорогу, поскольку мы с родителями часто ездили по ней в Москву. Я подумал, что это было бы отличным приключением – отправиться тёплым апрельским днём на велосипеде по шоссе далеко-далеко, куда только может завести дорога. Выбор направления и конечного пункта я решил отложить до завтра и, воображая, как буду рассекать на велосипеде по широкой дороге, а по обочинам будут мелькать леса и поля, уснул.

На следующее утро я проснулся от звона капель дождя, настойчиво стучавших по крыше. Я понял, что барабанивший дождь уже размыл деревенский просёлок вместе с моими грандиозными планами на сегодняшний день. Я, безусловно, расстроился. Вообще, я всегда сильно расстраивался, когда дождь нарушал мои великие планы. Кроме того, моё расстройство сильно подогревалось моим детским воображением, в котором дождь продолжал непрерывно стучать по крышам домов до глубокой осени. Однако, как правило, этого не происходило, и едва на небе развеивались облака, как мои тревоги испарялись ещё быстрее луж, залитых робким белым светом только что выглянувшего солнца.

Тем не менее дождь продолжал упорно настукивать до самого обеда. Было ясно, что сегодня никакого путешествия не будет, но я всё же понадеялся, что завтра погода улучшится, а весь сегодняшний день решил посвятить подготовке к путешествию. Я почистил велосипед и подкачал колёса, собрал необходимые инструменты в рюкзак, заготовил термос для чая и отложил пару пирогов с капустой в дорогу.

За делами и хлопотами незаметно подкрался вечер, и погода заметно улучшилась. Набухшие чёрные тучи расплылись по розовому небу в разные стороны. Далеко на западе берёзовая роща запылала рыжим пламенем весенней зари, а мягкий апрельский ветер ласкал

верхушки утомлённых былым ненастьем сосен. Просёлочная дорога была залита оранжевым светом луж, отражавших тающее вечернее солнце. Сквозь алую завесу уходящего дня начали просачиваться первые звёзды. Я больше не сомневался: завтра будет прекрасный день для новых открытий.

На следующий день я проснулся рано утром от звона будильника. Я решил начать поездку пораньше, чтобы вернуться к обеду. На тускло-голубом небе ещё не появилось солнце, но было понятно, что вчерашнее ненастье окончательно миновало. Я вышел на улицу и убедился, что за ночь дорога подсохла. Хотя на ней и оставались немногочисленные лужи, они были уже не в силах помешать моей поездке. Вернувшись в дом, я взял приготовленный рюкзак и пошёл с ним на задний двор за велосипедом, который я вынес из дома ещё вечером, чтобы ненароком не разбудить родителей. Велосипед стоял в целостности и сохранности, готовый к грандиозному путешествию. Я лихо вскочил на него и повернул со двора на главную улицу. Убедившись, что он работает исправно, я прибавил ходу и направился в сторону шоссе. Я не стал говорить родителям, что планирую ездить по автомобильной дороге, а сказал лишь, что встану пораньше, чтобы покататься по лесу. Я боялся, что отец не разрешит мне ездить по дороге, и счёл, что ему и матери лучше просто не знать о моих намерениях.

Попав на центральную улицу, я увидел, как навстречу мне хромает дед Егор, сухощавый сутулый старик. В руках он нёс какую-то деталь от трактора, видимо, в мастерскую. Увидев меня, он остановился.

– Что, Ефим, решил покататься с утра пораньше? – спросил он меня, широко улыбаясь.

– Да, Егор Васильевич! Решил вот проехаться по лесу.

– Ну, езжай. Смотри там, поаккуратнее давай. Заходи вечером, с трактором поможешь. Верка пирогов напечёт, угостишься.

– Обязательно найду, Егор Васильевич. Веронике Сергеевне привет передавайте.

– Ну, давай, ехай, да сильно не разгоняйся! До вечера!

Сказав это, дед Егор захромал дальше в сторону гаража. Верка, или Вероника Сергеевна, приходилась ему женой уже сорок пять лет. Её пироги с малиной всегда были сладкой наградой за помощь деду Егору с ремонтом трактора. Да и не только ради сладких пирогов помогал я ему – уж больно нравилось мне беседовать со стариком, слушать его интереснейшие истории о жизни, пока мы копались в промасленных деталях старого трактора.

Я искренне был рад встретить деда Егора. Я ещё бодрее закрутил педали и помчал к шоссе. Вдруг я вспомнил, как сказал ему, что собирался покататься по лесу. Однако лес был в противоположной стороне, и я подумал, что дед Егор догадался о том, что я поехал на шоссе, и непременно расскажет это моим родителям, ведь он дружил с моим отцом и имел привычку навещать его почти каждый день. В этом случае меня ждала бы часовая лекция об опасности езды по проезжей части и запрет кататься за пределами посёлка. Испуг охватил меня, и я почувствовал, как мой пульс участился. Настроение явно было испорчено охватившей меня тревогой. Тем не менее возвращаться я не хотел, а на горизонте уже засверкала гремучими грузовиками дорога.

Подъехав к шоссе, я решил повернуть направо и двигаться против Москвы. Я хотел доехать до Можайска и, отдохнув за пирожками с чаем, двинуть назад. До Можайска было не больше пятнадцати километров. Я предположил, что смогу одолеть эту дистанцию меньше чем за два часа.

Первые несколько минут я мчался по пустой дороге и дивился тому, как сильно разгоняется велосипед по ровному асфальту. Вдруг со страшным громом и скрежетом меня обогнал огромный самосвал. Меня тут же обдало потоком холодного утреннего воздуха. Грузовик промчался так близко, что я едва не слетел на обочину.

– Елки зелёные! Как же так ездить? Так и насмерть сбить могут.

Тут я осознал, что сказал это вслух. Разумеется, меня никто не слышал. Я взял вправо и поехал по самому краю дороги.

К тому моменту, как мне встретился первый километровый столб, меня уже обогнали несколько легковых автомобилей и гремящих грузовиков. Теперь они не так сильно будоражили меня. Я перестал тесниться на каменистой обочине и взял левее на ровный асфальт. Лишь изредка я вновь смещался вправо, когда слышал, как сзади приближался автомобиль.

С первых же минут моего путешествия я невероятно воодушевился видом уходящей далеко за горизонт дороги. Настроение моё стало светлее, как светлее становилась дорога от стремительно поднимавшегося солнца. Километровые столбы замелькали один за другим, а я не чувствовал ни малейшей усталости. Машин на дороге было немного, как, впрочем, и должно быть ранним воскресным утром. Я двигался со скоростью и лёгкостью, неведомыми мне при езде по деревенским ямам и кочкам. Солнце было уже так высоко, как нельзя ещё было видеть его в это же время дня в марте или феврале, и утренняя прохлада исчезла в его лучах подобно тому, как исчезали на глазах длинные тени придорожных сосен. Колкий предрассветный мороз не щипал больше моих пальцев, а согревавшая меня раньше плотная куртка стала лишним грузом. Я остановился и обвязал куртку вокруг пояса, оставшись в промокшей потом потёртой футболке. Первоначально мне было прохладно, но едва футболка подсохла, как я почувствовал себя комфортно под мягким, ещё не палящим апрельским солнцем и закрутил педали с ещё бóльшим энтузиазмом.

Я миновал около семи километров, когда на горизонте показался старый «москвич» с включённой аварийной сигнализацией. На середине дороги стоял рослый мужик и махал мне руками. Я понял, что что-то случилось, и начал сбавлять скорость.

– Помоги. Толкнуть надо, – низким голосом прокричал мне незнакомец, как только счёл, что расстояние между нами позволяет мне его услышать.

– Хорошо.

Я подъехал ближе и положил велосипед на обочину.

– Не могу завести. Подтолкни немного. Попробуем на ходу завести, – пояснил незнакомец.

– Нет проблем, – ответил я и пошёл ближе к машине.

Мужик сел в «москвич», сделал ещё одну безуспешную попытку завести мотор и дал мне знак рукой, чтобы я начал толкать машину. Я тотчас навалился на неё всем своим весом, но моей силы было явно недостаточно, чтобы сдвинуть автомобиль с места. Тогда дядька вылез из машины и встал, положив одну руку на открытую дверь, а другую протянул к рулю. Мы принялись толкать автомобиль вместе, и он медленно покатился по дороге. Как только мы разогнали его до скорости торопливо идущего человека, мужик ловко впрыгнул в машину, провернул ключ, и мотор завёлся с характерным дребезжанием. Я отпустил машину и остановился. С рёвом и визгом из выхлопной трубы вырвался дым, мужик захлопнул дверь и махнул мне рукой через плечо, не оборачиваясь. Так он выразил свою благодарность. Мне было этого достаточно. Вмиг «москвич» умчался вдаль, и я побрёл назад к велосипеду. Такое событие я счёл своим первым дорожным приключением и был необычайно рад, что мне выпала возможность помочь кому-то в пути. Вскочив на велосипед, я помчал дальше. До Можайска теперь оставалось около восьми километров.

Проехав несколько минут, я начал чувствовать лёгкую усталость. Наконец я решил остановиться и отдохнуть. К счастью, справа мне подвернулась песчаная дорожка, сворачивающая в лес. Я проехал по ней около сотни метров от шоссе, чтобы меньше слышать шум проезжающих машин. Я остановил велосипед возле старой упавшей сосны и присел на потрескавшийся ствол дерева, чтобы перекусить. Весенний лес казался мне необычайно живым и красивым. Несколько минут я просидел, наслаждаясь убаюкивающим чириканьем птиц и шуршанием сосновых веток. Позади худых деревьев в безоблачном небе мерцало апрельское солнце. Кое-

где ещё лежал серый снег, а многочисленные небольшие ямы были заполнены талой водой. В этот самый момент, любуясь дивным пейзажем, я почувствовал, как близки и дороги мне здешние места. Всё вокруг казалось мне знакомым, словно я знал каждое дерево в этом лесу.

Я достал термос, поспешно открыл его и наскоро плеснул чай в крышку, так как сильно хотел пить. За время моей поездки чай изрядно остыл, но тем легче было его пить. Опустошив термос наполовину, я жадно набросился на пирог с капустой, а как только одолел его, принялся за второй. Запив пироги, я оставил немного чая на случай, если жажда вернётся, убрал термос в рюкзак и решил продолжить путь. Но едва я собрался запрыгнуть на велосипед, как почувствовал лёгкую сонливость. Я решил вздремнуть немного, прежде чем ехать дальше. Прислонившись к берёзе, я глубоко вздохнул и закрыл глаза. Я не заметил, как уснул под пение воробьёв и доносившееся издалека эхо кукушки.

Я проснулся оттого, что почувствовал, как руки мои покрылись мурашками. Казалось, дул сильный ветер, отчего верхушки сосен раскачивались всё сильнее и сильнее. Солнце поднялось ещё выше, вероятно, уже миновал полдень. Но ветер, дующий с северо-востока, приносил с собой поток холодного воздуха, отчего я начал замерзать. Я решил продолжить свой путь.

Сделав несколько приседаний, чтобы согреться, я поехал к шоссе. Выехав из леса на открытую местность, я ощутил, насколько сильным был ветер. Тем не менее он дул мне в спину и только помогал мне ехать ещё быстрее. Я посмотрел направо и увидел, как на горизонте начинали скапливаться белые облака. Ещё два верстовых столба промелькнули по правую руку к тому моменту, как белые облака превратились в чёрные тучи, стремительно застилавшие небо. Вскоре солнце скрылось за тучами, и небо сделалось совсем тёмным. Я понял, что вот-вот начнётся дождь, и остановился, чтобы надеть куртку. Вмиг асфальт начал покрываться чёрными крапинами, после чего снег повалил стеной. Я уже не раз попадал под град и ливень, когда катался по деревне, но сейчас я был в десяти километрах от дома и не знал, что мне делать. Я вспомнил, что ещё пару минут назад проезжал мимо автобусной остановки, и тотчас решил вернуться туда, чтобы укрыться от непогоды под крышей павильона. Я развернулся и помчал в обратную сторону.

Стоял сильный туман, колкий снег летел мне в глаза, я практически не видел перед собой дороги. Наконец сквозь белые хлопья снега я разглядел расплывчатые очертания остановки и ринулся к ней. Внутри павильона стоял человек в капюшоне, видимо так же переживавший внезапно нагрянувшее ненастье. Я встал под крышу рядом с ним. Велосипед не поместился под крышей маленького павильончика, и передняя часть его оставалась под снегопадом.

Рядом стоящий человек оказался высоким худощавым парнем. Он засунул руки в карманы и всё время смотрел вниз, на сырую дорогу, казалось о чём-то думая. Мы стояли молча, потупив взгляд, а снег продолжал падать. В то время как проезжая часть истекала ручьями талого снега, обочины постепенно превращались в сугробы.

– Да, парень. Ну и время ты выбрал кататься, – сказал мне незнакомец, не отрывая взгляда от земли.

– Да кто же знал, что так будет, – я посмотрел на него исподлобья.

– Прогноз погоды смотрел? Предупреждали же о возможности града.

Сказав это, он обратил на меня свой взор.

– Нет, не смотрел. Да тебя самого, я гляжу, погода врасплох застала?

– Да. Вот к товарищу шёл. Думал, успею. Тут километр где-то идти. Если в скором времени снег не закончится, так и пойду.

Мы продолжали стоять и смотреть на падающий снег.

– А мне до дому десять вёрст. Придётся переждать. Родителям не говорил, что так далеко поеду. Видать, получу порцию знатных подзатыльников по прибытии, – сказал я ему с каким-то необъяснимым чувством стыда.

– А они строгие у тебя?

– Родители? Нет. Но так далеко не разрешили бы ехать. Думают, что недалеко от дома катаюсь по лесу.

– Так скажи, что в лесу снегопад переждать решил, – предложил незнакомец.

– Да глупо как-то выходит. Вдруг не поверят. От дома до леса десять минут ходьбы.

– Ну придумаешь что-нибудь. Тоже мне, проблема.

Я ничего ему не ответил.

Снег валил ещё минут двадцать. Всё это время мы стояли молча, думая о чём-то своём. Вдруг на северо-востоке, откуда пришли тучи, небо стало светлеть. Сильный снег сменился морозящим дождём, а через мгновение тучи вовсе ушли на юг, а на небе показалось солнце. Невероятно чистый белый снег начал исчезать прямо на глазах, и стало видно, как зелёным цветом оживала молодая весенняя трава. Мокрый, весь в разводах асфальт блестел, словно изрисованный радугой. Казалось, никто бы не поверил, что ещё пять минут назад бушевала метель. Да и самому мне уже верилось с трудом, словно весна поспешно стёрла свои слёзы, пока никто не успел их заметить.

Простившись с незнакомцем, я вскочил на велосипед и помчал по ещё сырой, блестящей в разводах дороге. Я поехал домой, оставив попытки добраться до Можайска, поскольку был сильно утомлён событиями сегодняшнего дня. Может, я бы и осилил оставшиеся пять километров пути, но тогда назад мне бы пришлось ехать не десять, а все пятнадцать. Я решил не рисковать и счёл день и без того богатым событиями и приключениями.

По дороге домой меня одолевали разные чувства. Радость от того, что закончилось ненастье, притуплялась страхом быть наказанным. Любопытство и стремление добраться до Можайска всё сильнее глушились желанием поскорее оказаться дома. И всё это мерцало в моей голове на фоне общего восторга оттого, что я впервые смог проехать по большой дороге. Несмотря на усталость, я крутил педали довольно быстро. Я был уверен, что оставшихся сил будет вполне достаточно, чтобы добраться домой.

Чем ближе я подъезжал к дому, тем сильнее меня охватывали волнение и страх предстать перед родителями. Когда я въехал во двор, их не было видно. Вероятно, они были в доме. Я прислонил велосипед к задней стороне дома и неуверенными шагами пошёл к крыльцу. Отец услышал, как я вошёл в дом, и вышел меня встретить.

– Где ты был? – спросил он. – Такой снег был на улице.

Он посмотрел на меня круглыми глазами, полными удивления.

– Да с утра по лесу катался. А град у Витьки переждал, – ответил я заранее подготовленной репликой.

Витька был моим приятелем и жил на противоположном конце посёлка.

– Вон оно как. Молодец, что у Виктора догадался остаться! Проходи обедать.

Лицо отца переменялось, удивление и недоумение сменились улыбкой.

Войдя на кухню, я обнаружил, что обед уже остыл. Немного подогрев его, я с жадностью бросился сначала на суп, а затем и на второе, так как был невероятно голоден после моего путешествия. Родители же больше не задавали никаких вопросов касательно моей поездки. Видимо, отец поверил мне на слово, что я был у Витьки, и не стал звонить его родителям, чтобы убедиться в правдивости моих слов. Да он никогда бы и не сделал так – они с матерью доверяли мне. Лишь в моём воображении он принимался устраивать допросы, чтобы добиться признания в том, что я пошёл кататься по шоссе без разрешения. Дед Егор, должно быть, тоже ничего не говорил моему папе о том, что видел, как я ехал в сторону шоссе. Скорее всего, он просто не придал этому никакого значения.

Отдохнув чуть больше часа, я пошёл к деду Егору помогать с трактором, как и пообещал утром. А вечером я заснул невероятно довольным от того, какое приключение мне довелось испытать сегодня. Я помог завести машину человеку, попавшему в неприятности, я спал, сидя

на земле в лесу, я попал под бурю и разговорился со случайным человеком, которого, может быть, больше никогда не увижу. Это было настоящее дорожное приключение.

Глава вторая

КРАЖА

С тех пор как я осуществил свою первую поездку по Можайскому шоссе, непогода окончательно отступила. Вот уже несколько дней не было ни дождей, ни тем более метелей. Дозревал поздний апрель. Выжженные ярким солнцем поля чернели меж отдалённых деревень. В прозрачном лесу мрачнели густой паутиной чёрные ветви деревьев, а в чистом тускло-голубом небе большими стаями пролетали птицы. По-летнему тёплые дни сменялись холодными непродолжительными ночами. Настал тот самый удивительно короткий ускользящий период весны, уродливо чернеющий и в то же время невероятно красивый. С последним поседевшим снегом таяла и тончайшая грань между зарождавшимся летом и так недавно позабытой зимой.

Одним таким солнечным утром я шёл в школу в дурном настроении. Я не выполнил ни одного домашнего задания, потому что весь прошлый вечер катался на велосипеде по деревне.

– Здорово, Ефимка! – кто-то окликнул меня, когда я подходил к воротам школьного двора.

Я обернулся. Это был мой одноклассник Ванька.

– Здорово, Ванёк! – ответил я.

– Ты на урок идёшь?

– Да не знаю. У меня домашки нет, отругают меня.

– Я взял вчера у Катки тетрадь. Пойдём, сядем на скамейку под деревом и перепишем, – предложил он мне.

Ванька частенько выручал меня с домашними работами. Катя была нашей одноклассницей, отличницей, а кроме того, жила от Ваньки в доме через дорогу. Такое необычайно выгодное соседство с самой прилежной девочкой в нашем классе открывало Ваньке практически неограниченный доступ ко всем выполненным домашним заданиям, которыми он, в свою очередь, делился со мной в рамках наших дружеских отношений.

Мы ловко переписали ответы по биологии в тетради и успели зайти в кабинет до звонка.

Весь урок казался мне невероятно длинным и скучным. Анастасия Игоревна, наша учительница, которая была уже немолодая, диктовала нам новую тему под запись. А я безучастно смотрел, как за окном в редких белых облаках проплывал очередной погожий весенний денёк. Меня очень раздражало, что я был обязан проводить почти весь день в школе, после чего, придя домой, должен был браться за наискуднейшую домашнюю работу и лишь к вечеру, когда солнце было уже непозволительно низко, имел возможность покататься на велосипеде чуть более получаса до наступления темноты.

Вдруг терпение моё лопнуло. Я схватил тетрадь, небрежно оторвал кусок чистого листка и принялся писать мелким разборчивым почерком послание. Поспешно скомкав листок, я швырнул его в Ваньку и попал ему в ухо. Злобными глазами посмотрел он в мою сторону, и я тотчас кивнул ему, подтверждая, что эта записка от меня. Ванька аккуратно развернул листок и прочёл следующее: «Давай завтра прогуляем. Сил моих нет тут сидеть и тухнуть». Ванька перевернул листок, написал ответ, и, убедившись, что учитель не смотрит в его сторону, бросил мне скомканный лист. «А родителям мы что скажем?» – ожидаемым вопросом была заполнена обратная сторона листа.

Я и сам не успел подумать о том, что сказать родителям. В голову лезли какие-то нелепые предложения, часть из которых я всё же решил записать, но едва я схватился за ручку, как прозвенел звонок. Все тотчас засуетились, в классе поднялся шум – урок был окончен. На перемене я подошёл к Ваньке и вновь напомнил ему о своём желании пропустить уроки завтрашним днём.

– Я не знаю. Я бы и сам не прочь пойти гулять вместо этих бесполезных уроков. Но что мы скажем в своё оправдание в школе в понедельник? И что родителям скажем? – Ванька засомневался.

– А вот что. Завтра пятница. С утра сделаем вид, что идём в школу, и скажем им, что после школы отправимся в поход на выходные с Егором и его отцом, – предложил я.

Замечу, что Егор был нашим приятелем из пятого класса. Он и его отец часто устраивали пешие походы, к которым присоединялись многие друзья и знакомые Егора, в том числе мы с Ваней.

– Ты хочешь пойти в поход с Егором и его батей? – лицо Ваньки выражало явное недоумение.

– Да нет же! Мы лишь скажем так своим родителям, а сами пойдём в поход без взрослых на три дня. Они не станут проверять и звонить отцу Егора, они знают, что мы ходим с ними в поход каждый год, и поверят нам на слово.

– Ну не знаю. На три дня? А как мы объясним прогул в школе? А что, если родителям из школы позвонят? – Ваньку явно не убедил мой план.

– Не позвонят. В школе до понедельника нас точно не хватятся. А в понедельник скажем, что плохо чувствовали себя или что родителям помогали готовить землю к посеву. Они поверят и не станут проверять. Ну же, соглашайся!

– Ладно, чёрт с тобой! Один раз живём! Но если нам влетит, я больше в твоих авантюрах не стану участвовать!

– Да не влетит! Вот увидишь.

– А ты хочешь в пеший поход пойти в лес? Почему бы просто в субботу не пойти на два дня? Можно, кстати, реально Егора с батей позвать. И врать никому не придётся.

– Боже! Опять ты за своё! Сил у меня нет завтра шесть уроков сидеть, пока солнечные дни вот так проходят один за другим.

– А где палатку возьмём? У меня нет, есть только у Егора. Может, всё же его позовём?

– Нет, его звать не станем. Он-то уж точно струхнёт прогуливать. И палатку спрашивать у него не будем. Узнает про наш замысел – всё отцу расскажет. Тогда точно нас расколют.

– Что же тогда, – замялся Ванька, – а у тебя есть палатка?

– У нас дома тоже палатки нет. Вот что. Сегодня последним уроком физкультура. В каморке физрука есть палатка учебная. Вот её мы и одолжим до понедельника.

– Предлагаешь у физрука спросить?

– Мы ни у кого ничего не станем спрашивать.

– То есть как? – огромные округлевшие глаза Ваньки выражали явное удивление и тревогу.

– А то ты не понимаешь?

– Украдём, что ли?

– Одолжим до понедельника.

– То, что ты называешь словом «одолжить», – самая настоящая кража. Ты хоть представляешь, как нам влететь за это может? Да и как ты собрался вынести палатку из спортзала? Там же куча народу будет.

Едва Ваня успел выразить свои опасения, как раздался звонок. Нужно было идти на урок.

– Придумаем что-нибудь, – сказал я, хлопнув его по плечу, и улыбнулся.

Мы пошли в класс. К счастью, наш разговор не был никем услышан благодаря тому, что мы стояли в углу коридора напротив пустого кабинета. Мы просидели ещё два бесконечных урока, прежде чем пошли обедать в столовую. Там я предложил Ваньке сесть чуть в стороне от всех, чтобы мы имели возможность продолжить наш строго секретный разговор.

Я начал:

– Вот что, Ваня. Сегодня у нас физкультура шестым уроком. В школе никого не останется кроме нас и десятого «А». Физрук после урока оставляет каморку открытой, чтобы мы могли убрать инвентарь, и уходит курить. Его не будет минут десять. Когда мы всё уберём и ребята пойдут переодеваться, мы вытащим палатку. Нет! Даже так. Нам не стоит нести её по коридору к выходу, тогда нас кто-нибудь может заметить. Сделаем так. Я выйду из зала в коридор и быстро проскочу в двадцать седьмой кабинет – он всегда открыт, там замок сломан. Сегодня там ни у кого нет уроков – кабинет будет пустой. Окна как раз выходят на задний двор. Ты пойдёшь туда, и я сброшу тебе палатку. С заднего двора мы сможем незаметно её унести, и я спрячу её у себя, пока родителей нет дома.

Я выдал Ваньке свой план, и с минуту мы молча продолжали поглощать долгожданный обед.

Покончив с котлетой, он посмотрел на меня и сказал:

– Можем рискнуть. Давай посвятим Валерку в наш план. Пусть он постоит на шухере в коридоре и прикроет тебя, когда ты будешь выносить палатку из спортзала.

Валерка был знатным бездельником и двоечником. Прогулы уроков были для него одним из любимых занятий. Крепкого телосложения, с грозным овальным лицом, любивший покурить на заднем дворе, он слыл неисправимым хулиганом. Статус хулигана он также подтверждал многочисленными шутками во время уроков, за что не раз отправлялся к директору.

Все, кто знал Валерку, а это весь наш класс, немало ребят из младших классов, а также несколько старшеклассников, с которыми он общался, относились к нему с уважением и даже с неким почтением. Учителя также относились к нему весьма снисходительно. Но не курением в тринадцать с половиной лет и не своим непоседливым поведением Валерка заслужил симпатию окружающих. Дело в том, что Валерка в своём возрасте обладал взглядами и принципами, присущими старшим людям. Он никогда не обижал слабых, напротив, он защищал тех, кто подвергался издевательским шуткам хулиганов, а тех, кто любил поколотить ребят послабее, открыто презирал. Валерка всегда мог постоять за себя, но никогда не вступал в конфликт без веских причин и не искал повода для драки. Он любил пошуметь и погалдеть на уроках, а на перемене мог пойти пострелять по окнам сосновыми шишками из рогатки, однако вёл себя наиприличнейшим образом на экскурсиях в музеях, новогодних вечерах, церемониях награждения преуспевающих учеников и на прочих культурных мероприятиях.

Валерка был крайне обходителен с противоположным полом и никогда не позволял девочкам таскать тяжёлые вещи или самостоятельно передвигать парты в кабинете. А крайне низкая успеваемость и практически абсолютная безучастность почти на всех уроках бесследно пропадала во время русского или литературы. Он был вовсе не равнодушен ко многим произведениям отечественных авторов и проявлял большую активность во время обсуждения героев и сюжета. По литературе он имел твёрдую пятёрку с третьего класса – с того самого момента, как увлёкся ею.

Что касается русского языка, то, как и по многим другим предметам, Валерка почти никогда не выполнял домашнего задания, за что успел получить уже не одну двойку. Но на уроках он внимательно слушал правила орфографии, что позволяло ему писать все диктанты и изложения ничуть не хуже наших отличников. Сам он так объяснял свою позицию: «Каждый обязан знать и любить родной язык. Ты можешь мечтать стать лётчиком или художником, водителем или писателем, врачом или бандитом, но ты не имеешь права быть неграмотным – это неуважение к себе, к своим корням, к своей Родине». И надо признать, он следовал своим принципам и старался быть грамотным, впитывая в себя всё, что объясняли на уроках русского языка.

Мы, как и все, уважали Валерку и состояли с ним в тесных дружеских отношениях. Идея приобщить его к нашей операции показалась мне весьма разумной.

– Хорошо, – сказал я, – переговорим с ним на следующей перемене.

Закончив обед, мы отправились на четвёртый урок. До физкультуры нам оставалось отсидеть ещё два. На следующей перемене мы нашли Валерку рисовавшим какие-то линии мелом на стене в коридоре. Мы подошли к нему.

– Валера, как насчёт небольшого похода? – сказал я ему.

– Привет, ребята. Что за поход?

– Хотим завтра с утра пойти. На три дня. Хочешь с нами?

– Завтра пятница – учебный день вроде как. Прогулять хотите?

– Да, – в разговор вмешался Ваня.

– Хотим. И палатку взять из школы хотим, – добавил я.

Валера улыбнулся. Было видно, что идея его завлекла. Затем он задумчиво посмотрел в окно и сказал:

– Палатку навряд ли разрешат взять.

– Можно самим взять, – пояснил я.

Валера улыбнулся ещё сильнее прежнего. Казалось, он ждал такого ответа, словно по лицам нашим догадался, что мы хотели украсть палатку, и, лишь чтобы подтвердить свою догадку, сказал, что нам не разрешат её взять.

На какой-то миг он устремил свою угловатую улыбку в окно, затем принял более строгий вид и повернулся к нам.

Не выказывая любопытства, он спросил:

– А как палатку брать собираетесь? План есть?

Я пояснил ему наш план, и тотчас прозвенел звонок на следующий урок. Это был последний урок перед физкультурой. Близился момент осуществления нашей, как мне казалось, блестящей затеи.

Отсидев географию, мы отправились в спортзал. Урок был посвящён баскетболу, и наш физрук, Александр Евгеньевич, открыл нам тот самый чулан, где хранились мячи и палатка. Я очень надеялся, что после урока у нас будет возможность взять ту самую палатку, и время от времени невольно поглядывал на открытую каморку. За игрой в баскетбол время пролетело быстро, и прозвенел звонок.

– Урок окончен. Заносите мячи назад, ребята! В понедельник будем готовиться к сдаче нормативов, – сказал нам Александр Евгеньевич, предварительно просвистев в свой свисток. Захватив из каморки пачку сигарет, он направился к выходу. У нас было около семи минут до его возвращения или, во всяком случае, не более десяти. Ванька поспешил в раздевалку, чтобы как можно быстрее переодеться и выйти на задний двор под окна двадцать седьмого кабинета. Мы же с Валеркой, напротив, старались идти не спеша, пропуская других вперёд, чтобы, дождавшись, когда все уйдут, незаметно вернуться в зал за палаткой. Все ребята в считанные минуты переоделись и ринулись из школы. Сначала мы подумали, что никого не осталось, но, как только мы вышли из раздевалки, услышали голоса девочек, которые, по-видимому, остались в соседней комнате и о чём-то общались.

– Нет времени ждать, пока они уйдут. Давай быстро вынесем палатку, пока они там, – прошептал я Валерке.

С этими словами я пошёл назад в зал за палаткой, а он остался около раздевалки, чтобы контролировать коридор. Войдя в каморку, я обнаружил палатку на верхней полке стеллажа, что было нам на руку – скорее всего, до понедельника никто не заметит её отсутствия. Я взял стул, влез на него и достал палатку, свёрнутую в чехол, потом отодвинул стул на место и ринулся к выходу из зала. В тот самый момент дверь из женской раздевалки чуть приоткрылась. Казалось, кто-то хотел выйти оттуда. Вмиг Валерка подскочил к двери и захлопнул её, после чего намертво вцепился в ручку, чтобы никто не смог открыть дверь изнутри.

– Кто там? Выпустите нас! – слышался голос нашей одноклассницы Нины.

Я помчался с палаткой мимо раздевалки в коридор на этаже. К счастью, там никого не оказалось, и я проскочил в двадцать седьмой кабинет незамеченным. Я подбежал к окну и распахнул его. Внизу стоял Ванька, задумчиво озираясь по сторонам. Я свистнул ему и сбросил вниз палатку со второго этажа. Он проворно поймал её и аккуратно положил возле фундамента. Тотчас я рванул к Валерке и дал ему знак, чтобы он перестал держать дверь. Он отпустил дверную ручку, и мы оба бросились бежать, не зная, что сказать запертым девчонкам в своё оправдание.

Пока мы мчались по коридору, я обернулся и увидел, как за нами выскочили Нинка и ещё две наших одноклассницы: Лера и Вика.

– Идиоты! – раздался голос Нины, выразивший крайнюю степень раздражения.

Мы продолжали бежать, ничего не отвечая. Лицо моё было красное от смущения и тревоги, но вопреки всему я едва мог сдерживать смех. Как только мы прибежали на задний двор, я повалился на землю и захохотал. Всё произошедшее с нами за последние пятнадцать минут казалось мне необычайно весёлым. Валера и Ваня тоже смеялись, но продолжали стоять на ногах.

Отдышавшись, мы оглянулись по сторонам, чтобы убедиться, что на заднем дворе кроме нас никого нет. Двор действительно был пуст.

Я обратился к ребятам:

– Сегодня мы все должны сказать родителям, что завтра после школы идём в пеший поход до конца выходных с отцом Егора.

– Да, но с утра мы должны притвориться, что собираемся в школу, – добавил Ваня.

– Предлагаю каждому из нас выйти с утра с портфелем, как будто мы направляемся в школу. Вместо учебников положим в рюкзаки как можно больше еды, чтобы хватило на три дня, – выдвинул идею Валера.

Какой-то миг сопровождался молчанием, затем я добавил:

– Хорошо. Предлагаю встретиться завтра в восемь утра у старой церкви.

– А куда мы пойдём в поход? – спросил Ванька.

Тут я призадумался. Меня посетила мысль, что можно было бы отправиться не в обыкновенный поход, как мы это делали с Егором и его отцом несколько раз в год, а вместо этого совершить настоящее трёхдневное путешествие на велосипедах.

Я чуть приблизился к своим товарищам и, слегка наклонившись и положив руки им на плечи, заговорил тише обычного:

– Вот что, ребята. А что, если нам поехать куда-нибудь на велосипедах? Мы устанем три дня ходить по лесу, да и далеко ли мы уйдём? Много ли хороших маршрутов мы знаем кроме тех, которыми ходили с батей Егора? А на велосипедах сможем одолеть расстояние в три... Нет! В пять раз больше!

– Ну не знаю, – засомневался Ванька, – тут по лесу шибко-то и не разъездишься на велосипедах. Мне кажется, они будут нам лишним грузом.

– Вот-вот! – подхватил Валерка. – Что-то ты вычудил, Ефимка.

– А кто вам сказал, что нам придётся ездить всё время по лесным тропам? Большую часть пути мы вообще можем одолеть по шоссе, – пояснил я свою идею.

– По шоссе? С ума сошёл? Ты хоть раз ездил по шоссе? – вскричал Ванька.

– Ездил! – с нескрываемой гордостью ответил я.

– Да ну! – в глазах Ваньки можно было увидеть неисчерпаемое удивление.

– Не верим мы тебе! – с каким-то ошутимо горьким чувством презрения произнёс Валерка.

– Говорю же вам, дурни непутёвые! Буквально в прошлые выходные по Можайке ездил. Всего несколько часов проехал, а с два десятка километров одолел! – воскликнул я с чувством отчаяния от проявленного ко мне недоверия.

Ребята на какое-то время замолчали, потупив взгляд. Затем Валерка приподнял голову и пристально посмотрел на меня.

– И впрямь ездил? – спросил он тихим голосом.

– Да!

Он ещё слегка потупил взгляд, но потом вдруг окинул меня злобными глазами и язвительно спросил:

– А в какой, говоришь, день ездил?

– В субботу. Сказал же!

– Ага! Врёшь! Врёшь ты нам, Ефимка. Нагло врёшь. А зачем, понять не могу. Метель была в субботу и град. Не мог ты в такую погоду ездить!

– Да ездил я! Вот под метель и попал! Промок и назад повернул! А так бы до самого Можайска доехал! – меня переполняло чувство гнева, лицо моё покраснело.

Ребята вновь замолчали. Видимо, они не знали, что сказать, равно как и не могли понять, можно ли мне верить.

Тут я не выдержал:

– Да не вру я! Ну зачем мне вам врать? Ну и чёрт с вами! Хотите пешком идти? Пошли! Но вы первыми к обеду же устанете и вечером захотите вернуться. И зачем тогда всё это? Зачем палатку выкрали? Зачем я вообще тут стою и вас уговариваю?

Видя моё отчаяние, Валера слегка улыбнулся, сделал мягче взгляд и сказал мне:

– Ладно. Не кипятись ты так. Чего доброго, ещё кто услышит про палатку.

– Не услышит, – тихо ответил я, обратив угрюмый взгляд в сторону.

– Что, действительно с двадцать вёрст проехал? – спросил Валерка уже скорее с чувством любопытства, нежели подозрения.

– Было дело, – сухо ответил я.

Распознав в моём голосе обиду, Валерка хлопнул меня по плечу и добавил:

– Не сердчай. Ты дело говоришь. Я и сам пару раз ездил по шоссе. Но не двадцать вёрст, а до придорожной кафешки в сторону Москвы. До неё и километра не будет.

Мы молчали.

– Ну что, Иван! Поедем с нашим другом по Можайскому шоссе куда глаза глядят? – добавил Валера, повернувшись к Ваньке.

– Ох и чудачки вы, ребята! За то я вас и люблю! – воскликнул Ванька. – Едем!

– Едем! – радостно ответил я.

– Завтра в восемь утра у старой церкви на великах. Ефим, с тебя палатка. Мы с Ванькой позаботимся о еде. Если что, с утра говорите родителям, что просто в школу хотите поехать на велосипеде. Я своему батюшке тоже так скажу, – заключил Валерка.

– На том и порешили. До завтра, пацаны! – воскликнул я и схватил палатку.

Мы разошлись по домам. Когда я пришёл, родителей ещё не было дома. Я спрятал палатку под кровать и пошёл во двор проверить состояние велосипеда. За ужином я сказал родителям, что после школы мы с ребятами поедем в поход вместе с папой Егора. Далее последовала стандартная процедура: я пообещал тепло одеться, не сидеть на сырой земле, быть аккуратным у костра, не пить пиво, если отец Егора будет предлагать. Родители дали одобрение.

Вечером я не мог долго заснуть. Весь день казался мне забавным и увлекательным, и только теперь я вдруг ощутил какое-то нарастающее чувство стыда за то, что мы взяли без спроса палатку, за то, что обманул родителей, за то, что завтра прогуляю школу, за то, в конце концов, что заперли девчонок в раздевалке и, вероятно, тем самым сильно их напугали. Я открыл окно, и тотчас меня обдало прохладой апрельской ночи. Я уснул.

Глава третья НАСТЕНЬКИНЫ СЛЁЗЫ

На следующий день я проснулся в семь часов утра. За окном светило солнце; стоял ясный безветренный день, такой же, как был вчера, позавчера и несколькими днями ранее. На какой-то миг мне показалось, что такая погода будет держаться всегда, что уже не будет ни бурь, ни дождей, ни морозов. Так нелегко мне было поверить в эти явления, наблюдая столь безмятежное утро вот уже который день.

Опомнившись от этих нелепых мыслей, я засобиравшись к завтраку. Когда я спустился на кухню, отец и мать уже сидели за столом и ели кашу. Я присоединился к ним. Через несколько минут отец встал из-за стола и, пожелав нам с мамой хорошего дня, отправился в гараж, откуда уже выехал на машине и поехал на работу в город Руза.

– Мам, сегодня я в школу на велосипеде поеду, – сказал я.

– Ты ещё вернёшься домой перед походом? – спросила она.

– Нет, мы сразу направимся к дому Егора.

– И где же ты оставишь велосипед?

О таком вопросе я не подумал. Пульс мой участился, на миг мне показалось, что моё враньё сейчас вскроется и мама узнает о моих настоящих намерениях.

Я начал сочинять на ходу:

– Да знаешь, однокласснику обещал дать велосипед покататься. Он мне на выходных всё равно не нужен будет. С одноклассником мы договорились, что он мне в понедельник его в школу прикатит назад.

Про себя я подумал: «Уф, надеюсь, выкрутился». Мама ничего не отвечала – хороший знак. Значит, она мне поверила и у неё нет дополнительных вопросов.

После завтрака я возвратился в свою комнату за палаткой и выскочил с ней на улицу. Я быстро подбежал к велосипеду, привязал к багажнику палатку заранее подготовленным шнурком и помчал к церкви. К счастью, церковь и школа находились в одной стороне, поэтому я не мог вызвать никаких подозрений, если бы вдруг мать выглянула в окно и посмотрела, куда я поехал. Чем сильнее я удалялся от дома, тем спокойнее становилось мне, и тем больше я был уверен в том, что родители ничего не заподозрили.

Когда я подъехал к церкви, мои друзья уже ждали меня там.

– Куда двинем? – спросил Ваня.

– Предлагаю на запад, в сторону Можайска, – ответил я.

Мне страшно хотелось одолеть ту часть пути, которую я не смог одолеть в прошлые выходные. Кроме того, миновав Можайск, я планировал добраться до Бородинского поля, о котором я не раз слышал и которое мечтал увидеть собственными глазами.

– Ну что же, в таком случае ездай первым, – сказал мне Валерка.

Мы направились в сторону дороги. Шёл девятый час утра, но было уже довольно тепло. Казалось, я всё ещё ощущал некое чувство стыда и тревоги оттого, что мы взяли палатку без разрешения и сейчас ехали в неизвестном направлении вместо того, чтобы быть на уроке. Но чем мельче становилась наша деревня, когда я оглядывался назад, тем меньше думал я обо всём этом.

– Что ты всё время оглядываешься? – окликнул меня Валерка.

– Вас боюсь потерять!

– Не дрейфь. Не потеряешь!

Мы въехали на шоссе. Так же, как и неделю назад, оно предстало предо мной пленительной серой полоской, убегаящей вдаль. Так же замелькали придорожные сосны, загрохотали редкие грузовики. Манящей далью засверкала чаща вдали на горизонте. Словно очарованный

долгожданным раздольем, я закрутил педали ещё сильнее и помчал вперёд навстречу столь ласковому прохладному ветру, какой бывает лишь тёплым апрельским днём. Скоро ноги стали тяжелеть, сердце забилося быстрее, и я понял, что слишком сильно рванул вперёд – в таком темпе я рисковал выбиться из сил через каких-нибудь два-три километра. Я перестал крутить педали, чтобы отдышаться и снизить скорость. Обернувшись назад, я увидел своих друзей, изо всех сил пытающихся догнать меня. Казалось, они отстали метров на двести.

– Куда ты так умчал? – Ванька был явно недоволен.

– Да сам не знаю, что на меня нашло, – ответил я, – давай я лучше замыкающим поеду.

Я пропустил ребят вперёд и поехал за ними. Первым ехал Ванька. Теперь он задавал нам темп. Должен признать, что ему удалось найти золотую середину – мы продолжали ехать довольно быстро, но неспешно и совсем не уставали. Машин было достаточно много, и нам не часто удавалось ехать в один ряд, чтобы перекинуться парой фраз. Большую часть пути мы молча следовали друг за другом. Сначала мы старались кричать друг другу, если хотели что-то сообщить, но тотчас выбивались из сил. Мы условились, что доедем до того самого поворота, которым я воспользовался в прошлый раз, чтобы отъехать перекусить.

Когда мы достигли поворота в лес, не прошло и часа с момента нашего отправления от церкви. Едва завидев нужную тропинку, я окликнул ребят, и мы повернули с дороги. Мы присели на тот же самый ствол упавшего дерева, которым мне приходилось пользоваться в прошлый раз. Ванька достал пироги с мясом, ловко завернутые в полотенце. Они были ещё тёплыми. Мы съели каждый по пирогу, запив чаем, который я успел прихватить из дома. Мы были по-прежнему полны сил и, едва закончив трапезу, ринулись дальше. Скоро мы благополучно проехали ту самую автобусную остановку, на которой закончилось моё прошлое путешествие, и перед нами открылся новый, прежде не виданный мною участок дороги; моё внимание было захвачено ещё сильнее.

Мы достигли Можайска ещё задолго до полудня, а к моменту, когда солнце достигло своей наивысшей точки, успели плотно пообедать в одной из городских столовых, успешно сохранившейся ещё с советских времён и пережившей девяностые годы. В то славное время мы позволили себе плотно поесть на семьдесят современных рублей. Пообедав, мы отправились в городской сквер, чтобы перевести дух, а затем на всех парах рвануть к Бородинскому полю.

Так удивительно беззаботно и плавно прошла для нас первая половина дня. Но события, произошедшие с нами в старом сквере, на долгие годы запечатлелись в моей памяти и повлияли на всю дальнейшую жизнь.

Мы расположились в старенькой беседке посередине сквера за игрой в карточного дурака. Надо отдать должное Валерке за то, что он догадался взять с собой колоду карт – тридцать шесть промасленных картонок здорово скрасили нам послеобеденный досуг.

– Король бубей! Что ты на это скажешь? – Валерка ходил под меня.

– Экий ты чертяга! Зла на тебя нет! – мне пришлось расстаться с последним козырем.

Отбившись, я вытащил карту из колоды. Ей оказался козырной туз – это чрезвычайно воодушевило меня.

– Ну, Ванька, быть тебе дурачком сегодня! – я бросил на стол три девятки и был уверен, что Ванька не сможет отбиться.

На мгновение наступила тишина. Казалось, Ванька тщетно пытался выбрать три карты, чтобы отбиться. Вдруг он замер.

– Тссс. Слышите? – шёпотом произнёс он.

– Я слышу шаги. Это физрук узнал, что ты стырил палатку, и идёт тебя выпороть, Ваня, – так Валерка пытался пошутить и одновременно напугать Ваньку.

– Да нет же! Кажется, там кто-то плачет, – ответил Ванька и указал на широкий дуб метрах в пятидесяти от нас.

У дуба никого не было видно. Сквер был пуст, и не было слышно ни единого звука. Кроме нас поблизости был лишь дедушка, уснувший на скамейке под ласковыми лучами весеннего солнца в противоположном конце сквера.

– Ты, Ванька, дурака не валяй! Коли нечем тебе крыться, так забирай девятки себе, а шуточки свои брось, – я заподозрил Ваньку в попытке отвлечь наше внимание от игры.

– Да ну вас! Глухомань! Что один, что другой! – с этими словами Ванька бросил карты на стол, даже не потрудившись перевернуть их лицевой стороной вниз, и ринулся к могучему дубу.

Мы с Валеркой переглянулись и побежали за ним. Около дуба мы догнали его, а когда забежали за дерево, все трое остановились как вкопанные в одну линию, точно оказались на краю пропасти. За дубом сидела девочка наших лет или чуть младше, закрыв глаза руками; по её красным горячим щекам катились слёзы.

– Девочка, что с тобой? – спросил Валерка, присев и наклонившись к незнакомке.

Девочка робко открыла глаза и тотчас вздрогнула. Казалось, грозное лицо и могучий вид Валерки напугали её ещё сильнее, чем то, что могло стать причиной её слёз. Она снова закрыла глаза руками и сжалась, словно над ней навис огромный предмет, который вот-вот свалится ей на голову, или огромный автомобиль мчался на неё и вот-вот мог врезаться в её хрупкое тело.

– Не бойся! Никто из нас тебя не обидит! Можем ли помочь тебе? – я попытался сказать это настолько нежным голосом, насколько позволяло моё желание пожалеть эту бедную девочку и помочь ей.

Юная страдалица вместо ответа залилась ещё бóльшим плачем. Мы все были в растерянности. Казалось, каждый из нас хотел обнять это маленькое создание и успокоить её, а после найти обидчика и разорвать его в клочья. Но ни один из нас не решился прикоснуться к отчаянной девочке – мы все боялись, что напугаем её ещё сильнее. Я сел на землю и стал смотреть вверх, на затерявшееся в многочисленных дубовых ветках тёплое солнце. Ванька последовал моему примеру и сел на покрывало, сотканное природой из сухих прошлогодних листьев. Он потупил глаза. Все мы сидели возле девочки посреди пустого сквера и слышали лишь горький плач обиженного ребёнка, так жестоко рвавшего тишину прекрасного весеннего дня.

Когда вся рубашка юной мученицы была изъедена пятнами солёных слёз, девочка сделала глубокий вдох и вытерла глаза тыльной стороной ладони. Лицо её было таким красным, словно было обожжено самыми едкими слезами, которые могут хлынуть только у самого несчастного ребёнка. Она долго осматривала нас пристальным взглядом, часто вытирая болевшие глаза промокшей в слезах рубашкой. Я протянул ей платок, который прихватил в дорогу, чтобы вытирать им руки перед едой. Но горькие слёзы прекрасной девочки стали первым, что впитал в себя этот кусок ткани. Девочка окинула нас взглядом ещё раз и сжала платок в руках. Казалось, она разглядела в наших потяжелевших глазах искреннее сострадание и желание всеми возможными способами не остаться безучастными к её горю. Не знаю, как в тот момент чувствовали себя мои друзья, но мои глаза мгновенно сделались влажными и тяжёлыми, а удушливый ком встал посреди горла, словно я вдохнул ядовитого газа. Но воздух не был отравлен, он был настолько чист, насколько может быть чистым весенний воздух посередине сквера в маленьком городке. Нет, ядовитым горем были наполнены движения худенькой девочки, ядовитая скорбь сочилась сквозь её сжатые зубы, она отражалась в её потерянном взгляде, она захлестнула её так, словно в один миг для неё исчезло всё самое дорогое в жизни.

– Простите меня, ребята, – едва слышным голосом прошептала она и резко зажмурила глаза.

Казалось, горькие страдания вновь прилили к её голове; она была готова зарыдать снова, но в её юном организме уже не оставалось воды хотя бы для самой маленькой слезинки.

– Простите... простите, – она шептала тяжело, прерывисто, постоянно заикаясь.

Валерка достал из рюкзака бутылку воды и протянул её девочке. Она отпила немного и вернула её.

– Боже мой! Ребята, как мне стыдно! Простите. Я, наверно, так вас напугала своим рёвом, – проговорила она, вытирая рукой зудящие глазницы.

– Как тебя зовут? Что с тобой случилось? Тебя кто-то обидел? – с нежным участливым взглядом задавал вопросы Валерка, словно пытаюсь всеми силами извиниться за свой грозный облик типичного забияки.

Девочка поняла это и невольно улыбнулась, будто сама хотела пожалеть Валерку, который казался в тот момент таким неуклюжим.

– Настя, – тихо прозвучал застенчивый ответ лишь на один из вопросов.

– Кто же заставил тебя плакать? – перефразировал я вопрос Валеры.

– Да! Мы любого в порошок сотрём! Никто не смеет обижать такую милую девчонку! – рьяно подхватил Ванька.

Настя вновь улыбнулась. Казалось, ей льстило и даже согревало её сочувствие трёх незнакомых мальчишек, которые были едва ли старше.

– Нет! Вы не сможете мне помочь! – жалобно закричала девочка.

– Нет, так не пойдёт. Ты уж скажи, что произошло, а мы сами разберёмся! – воскликнул Валерка с явным оттенком обиды.

Тут он понял, что слишком резко закричал на и без того испуганную девочку, и тотчас добавил максимально ласковым голосом:

– Мы очень хотим тебе помочь, Настенька! Мы тебе обязательно поможем! Только дай знать, что мы можем для тебя сделать. Пожалуйста!

Это прозвучало так умоляюще, что создавалось впечатление, будто Валерка сам просил о помощи. Настя невольно вздрогнула, поражённая столь противоречивым тембром Валеркиных возгласов, затем посмотрела вверх, на те самые ветви деревьев, тщетно пытавшиеся скрыть апрельское солнце. Казалось, она попыталась успокоиться, прежде чем начать нам что-то рассказывать.

Глубоко вздохнув, она остановила взгляд на той самой бутылке, которую продолжал держать в руках Валера, и начала свой рассказ:

– В общем, это настоящий подлец! Самый настоящий мерзавец и негодяй! Я его ненавижу и в то же время боюсь. Его зовут Игорь. Он постоянно издевается, и не только надо мной. Он и его дружки три дня назад побили Петьку, семиклассника, за то, что он случайно врезался в одного из них, когда подъезжал к школе на велосипеде. А вчера я шла по школьному коридору в столовую и рылась в кармане, пытаюсь нащупать пятирублёвую монету на пирожное. Я так неаккуратно копалась там, что из этого самого кармана у меня выпал листок, как раз когда я проходила мимо этих самых негодяев. Я хотела поднять его, но Игорь первый успел схватить его с пола. Он спросил, что там написано. Там был набросок стихотворения, я люблю писать стихи. Я попросила его отдать мне листок, сказав, что там личное. Возможно, это была моя ошибка, потому что у него тут же загорелись глаза, как у самой злой змеюки. Он раскрыл листок и стал читать мой стих своим друзьям. Стих был о маленькой красивой птице, потерявшейся в пустыне. Они все стали смеяться надо мной. Боже мой! Мне хотелось провалиться сквозь землю. Я заплакала и побежала рассказать об этом учительнице. Всем им поставили по двойке за поведение и всё. А я потом весь вечер рыдала – до того обидно было, что они так издевались над моими стихами. Но всё бы ничего! Сегодня я уже почти успокоилась и позабыла об этом. Но когда я пришла сюда, в сквер, покататься на качелях, я заметила, как тут гулял кот Тимка из третьего дома, Людмилы Степановны кот. Он грелся на солнце, когда я подошла к нему, чтобы погладить. Он тотчас признал меня и завилял хвостом. Я стала гладить Тимку, но тут вдруг сзади подошёл он!

– Игорь? – перебил Ванька.

Настя продолжала говорить, словно не услышав вопрос:

– Он сказал мне, что это из-за меня ему двойку вlepили. Я ответила ему, что он сам виноват. Тут он взял камень и бросил в Тимку.

– А может, он виноват?

– Нет! При чём здесь кот? Ты с ума сошёл? – я остолбенела.

– Любишь его, значит! – он взял ещё один камень и попал им Тимке в лапу.

Кот испугался, замяукал, тут он взял целую горсть камней и стал бросать их один за другим в кота. Тимка стал убежать, но уже хромал на одну лапу, а это чудовище продолжало бросать в него камни. Он попал Тимке в ухо и в голову. Тут я не выдержала и бросилась колотить его по рукам, лишь бы он выронил все свои камни. Он рассмеялся и успел швырнуть ещё один камень в кота, но промахнулся. А затем он сказал мне: «Сдохнет твой Тимка» и убежал. Бедный Тимка еле удрал в какие-то кусты. Господи, а вдруг он умрёт? А если этот гад пробил ему голову?

Тут Настя не выдержала и снова зарыдала, закрыв руками лицо. В этот момент моё сердце тоже не выдержало, и я ринулся скорее обнять бедную девочку, так сильно переживавшую за любимого кота, который, по-видимому, был ей настоящим другом.

– Не плачь, Настя! Ты же сама говоришь, что Тимка сумел убежать. Будь он сильно ранен, тотчас бы повалился на землю. Он, наверно, сильно напугался и спрятался где-нибудь, – я отчаянно пытался её успокоить.

– А вдруг он мёртвый? – едва Настя успела так подумать, едва она начала произносить эту мысль, как страшным градом хлынули слёзы из её и без того проплаканных глаз.

– Нет же! Он жив! – воскликнул Ванька. – Хочешь, мы прямо сейчас найдём его?

– Хочу! – робким голосом пробилося желание сквозь слёзы девочки.

– Куда он убежал? – спросил Ванька.

– Туда, – не открывая заплаканных глаз, Настя указала пальцем в сторону беседки, – серый с чёрным пятном.

Не проронив ни слова, Валерка и Ванька отправились искать подстреленного Тимку. Я же, слегка смутившись, что остался с Настей наедине, разжал свои объятия и сел напротив неё. Я решил остаться с нею и дожидаться ребят. Мне не хотелось оставлять её одну. Я боялся, что если бы мы убежали искать кота втроём и задержались, то она могла допустить мысль, что мы просто сбежали, и тогда бы точно утонула в собственных слезах.

Я попытался подбодрить её:

– Они найдут его, Настя! Обещаю! Слово настоящего велосипедиста!

На красном от слёз лице промелькнула улыбка. Вероятно, Настя впервые слышала столь чудное словосочетание: «слово настоящего велосипедиста». Я достал из рюкзака пирожок, единственный, который мне удалось прихватить из дома, и протянул его милой девочке.

– Ой, что ты!

– Бери, не стесняйся!

Настя вцепилась в пирожок с малиной. Нагрянувший аппетит и сладкая малина отвлекли её от душевных переживаний.

Тем временем Валера и Ваня изо всех сил старались найти кота. Они бегали по скверу и соседним дворам около получаса и наконец нашли серого кота с большим чёрным пятном, покрывавшим половину его морды. Кот лежал на солнце в одном из соседних дворов и старательно зализывал царапину на лапе. Очевидно, это был Тимка. Завидев ребят издалека, он насторожился; чтобы не спугнуть его, ребята аккуратно приблизились к нему и, открыв банку тушёнки, которая предназначалась нам на ужин, кинули коту кусок мяса. За следующим куском он уже сам подбежал к ним, дав себя погладить. Он лишь немного прихрамывал, а в целом был абсолютно здоров. Видимо, не так уж сильно ранили его камни, выпущенные малолетним

разбойником. Погладив кота, ребята приманивали его с помощью куска тушёнки, чтобы довести до того самого дуба, под которым его ждала столь равнодушная к нему девочка.

– Тимка! – сколько радости впитало это слово, когда Настя произнесла его, увидев кота.

Она обнимала его и крепко прижимала к себе, а Тимка, казалось, хоть и был рад встрече, не испытывал такого бурного потока эмоций. Он не спускал глаз с банки тушёнки, которая была у Ваньки в руке и которую добрый кот, по-видимому, планировал опустошить до конца.

– А что с этим хулиганом Игорем? – обратился Валерка к нам всем. – Надо его как-то проучить.

И, посмотрев на Настю, добавил:

– А ты родителям не рассказывала? Можно даже заявление в милицию написать.

– Бесполезно, – тяжело вздохнув, ответила Настя, – у этого Игоря отец генерал. Сам до генерала дослужился, а во что сын превратился, словно не видит или не хочет видеть! Игорь когда Петьку побил, так его родители написали заявление. Но отец этого поганца обштопал всё так, словно это не избиение было, а драка по причине бытовой ссоры, будто Петька вообще сам эту ссору спровоцировал и сам во всём виноват. Никакое дело так и не завели.

– Надо же как-то проучить негодяя! – настаивал Валерка.

– Боюсь, что вы ничего не сможете сделать. Спасибо вам, ребята, что Тимку нашли. Я буду надеяться, что этот разбойник больше не тронет кота, – отвечала Настя.

– Скажи, где нам его найти. А уж там, будь уверена, что он не тронет ни тебя, ни твоего Тимку, – продолжал Валера.

– Ребята, не ввязывайтесь в это. Их четыре человека, все они из девятого класса. Они значительно больше вас, хотя, может быть, не крупнее тебя (тут она окинула взглядом Валерку). Но вам всё равно не стоит влезать в драку, против четырёх хулиганов у вас нет шансов. А если вы ввяжетесь в ссору, они не только вас изрядно поколотят, но и виноватыми сделают. Игорь пойдёт к отцу и скажет, что вы на них сами напали, потом у вас самих же проблемы с милицией начнутся, а их всех признают невиновными и вообще пострадавшими в этой ситуации. Нет! Это бесполезно, – с нескрываемым унынием отговаривала нас Настя.

– Вот что. Мы здесь проездом. Мы найдём способ проучить этого Игоря. А если обо всём узнает милиция, мы успеем уехать ещё до того, как нас начнут искать, – ответил Валера.

– А откуда вы, ребята? – любопытствовала Настя.

– Да деревенские мы, километрах в пятнадцати отсюда живём, – пояснил Ваня.

– Где нам искать этого Игоря? – вновь заинтересовался Валера.

– Вообще, сейчас занятия в школе закончились. Он и его дружки могут пойти либо на футбольное поле, либо на железную дорогу. Я не раз слышала, что они с друзьями собираются там частенько и пьют пиво где-то возле станции. Порой они остаются там до поздней ночи. Думаю, сначала вам стоит проверить именно железную дорогу, – рассказала Настя.

Но потом она засомневалась и добавила:

– Только это очень опасно, ребята. Ну что вы сможете сделать? Их же четверо, они старше. Ох, лучше бы вам не соваться туда.

– Как выглядит этот Игорь? – Валера словно не слышал или не хотел слышать Настиных предостережений.

Настя посмотрела Валерке в глаза и вздохнула. Казалось, она понимала, что его уже не отговорить, что он уже твёрдо решил наказать обидчика. Тем не менее она могла бы попросту не рассказывать нам, где искать этих хулиганов. Она могла просто сказать, что понятия не имеет, где они могут находиться. Но она всё же в точности описала нам места, где они могут быть. Видимо, она действительно хотела, чтобы сорванцы получили по заслугам и отстали от неё, а в нас увидела не то спасителей, не то защитников. Она отговаривала нас словно из вежливости, словно не столько пыталась отговорить, сколько предупреждала обо всех возможных

опасностях, а в душе надеялась, что мы не поддадимся её уговорам и не испугаемся встречи с хулиганами.

Она стала описывать того самого противного сердцу Игоря:

– Он довольно высокий. Чуть выше тебя (она продолжала смотреть на Валеру), но не такой плотный. Он довольно худой, с рыжими волосами. У него ещё есть шрам на левой щеке. Говорят, его заделали ножом по лицу в какой-то уличной разборке. Не знаю, насколько это правда. Кроме того, как я уже говорила, с ним почти всегда бывают трое его дружков. Их я навряд ли смогу описать, я их плохо помню, но точно знаю, что один из них лысый, противный такой.

– Настя, я обещаю, что больше они тебя не обидят! – Валерка произнёс это с таким огнём в глазах, что ему трудно было не поверить в тот момент.

– Беги домой, Настя, – сказал Ванька, – дальше мы справимся сами.

– Можно? – Настя указала на банку тушёнки, которую Ванька до сих пор продолжал держать в своих руках.

Ваня отдал ей банку, и Настя побежала кормить Тимку, который не разделял нашего желания сидеть под дубом и расположился от нас в нескольких метрах на солнышке. Понаблюдав немного, как маленькая девочка заботливо кормила любимого кота, мы направились назад к беседке, где нас ждали брошенные нами велосипеды и раскиданные озорным ветром по всему столу и скамейкам игральные карты. Только что мы дали слово прекрасной девочке отомстить её обидчику, но до сих пор слабо представляли, как это можно было сделать. Нам явно было что обсудить.

Глава четвёртая

Встреча с хулиганами

Мы сидели в беседке и напряжённо смотрели на стол вот уже почти целый час. Мы вовсе не спешили идти на железную дорогу искать встречи с обидчиками юной Анастасии – действовать в лоб было бы безрассудно, учитывая численное и физическое превосходство наших противников. Нам нужен был какой-нибудь хитроумный план, который избавил бы нас от прямого столкновения с хулиганами и позволил бы нам проучить их, не влезая в драку, в которой мы, вероятнее всего, потерпели бы сокрушительное поражение. Но в голову не приходили никакие мысли.

– Скоро вечер, – этими словами Ванька прервал затянувшееся молчание.

– Через три часа начнёт темнеть, – предположил я.

– К чему это вы, ребята? – Валерка выразил недоумение.

– Что будем делать, Валера? – спросил я его вместо объяснений.

– Даже не знаю. У вас есть идеи?

– Боюсь, до Бородинского поля нам сегодня не успеть. Придётся заночевать в лесу, а утром выедем пораньше, – высказал Ванька.

Валера пришёл в смятение.

– О чём ты вообще? Я спрашиваю о том, как нам быть с Игорем и его шайкой.

– А что мы можем сделать с этим Игорем и его шайкой? Ну скажи, Валера? Вот их четверо девятиклассников, они старше нас на два года. Ну отыщем мы их возле станции. Что ты сделаешь? Что ты им скажешь? – посыпались вопросы от Ваньки.

Валерка презрительно посмотрел на него, после чего спросил:

– То есть ты вообще не собираешься искать этих подлецов?

– Я думаю, мы бессильны. Настя же сама просила нас не вмешиваться, – Ванька настойчиво продолжал отказываться от нашей затеи.

Валера сжал зубы так, что они скрипнули. Физиономия его вся искривилась, он был охвачен чувством обиды и беспомощности. С одной стороны, он хотел как следует врезать Ваньке за то, что тот становился таким безучастным, но в то же время он понимал, что, точно так же как и Ваня, ничего не может поделать в сложившейся ситуации.

Сжавшись от давящего чувства безысходности, он словно проглотил всю охватившую его горечь, глубоко вздохнул и обратился ко мне:

– Ну а ты что думаешь обо всём этом?

– Знаешь, думаю, прав наш Ванька. Увы, мы не в силах чем-то помочь, – ответил я, невольно пряча глаза в сторону, – Насколько же неприятно мне было самому это осознавать.

– Но мы дали обещание, – назидательно напомнил Валера.

– Ты дал, – коротко подметил Ваня.

– Замолчи! – закричал Валера и ударил кулаком по столу; казалось, он пребывал в ярости.

– Я разве что-то не так сказал? – искренне удивился Ваня.

– Не так? Да как ты можешь так говорить?! Если ты обещания не давал, если ты изначально слиться удумал, почему промолчал, когда я с девчонкой разговаривал? Почему сразу не заявил, что ты против? Что кишка у тебя тонка, почему не сказал? – накинулся Валерка на Ваню, так рьяно засыпая его укоризненными вопросами, что едва успевал заглатывать воздух.

– А ты меня спрашивал, когда обещание давал? А его ты спрашивал? – воскликнул Ванька, указывая на меня. – Ты сам это обещание дал, а на наше мнение тебе в тот момент наплевать было. Разжалобила тебя девчонка, а сама небось уже забыла и о тебе, и об Игоре этом.

Мы все замолчали. Казалось, обстановка изрядно накалилась и одно неаккуратное высказывание могло нас окончательно перессорить.

Чуть погода Ванька продолжил отстаивать свою позицию:

– Тебя, Валерка, подкупили девичьи слёзы, вот ты и наобещал с три короба, лишь бы девчонка успокоилась. Да она уже забыла про нас. Ну подерёшься ты с этими ребятами. Ну ударишь их пару раз. А сам в ответ куда больше получишь. А если у них нож есть? Они же отморозки полные. А главное, ради чего всё это? Кому ты что докажешь? Вот пырнут они тебя, и что? К девчонке лезть перестанут? За книжки умные возьмутся? Ты, Валерка, одно пойми: уедем мы отсюда с победой или на скорой нас увезут – всё одно будет. Девчонку круглые сутки охранять мы не сможем. Мы этим ублюдкам дорогу перейдём, а они потом на ней отыграются. Это ты девке обещал? Этого мы хотим?

Едва Ваня закончил пламенную речь, как настала мёртвая тишина. Найти в одночасье достойный ответ против таких доводов мы не могли.

Мне всё же было что сказать, и, слегка переупорядочив мысли в голове, я заговорил спокойным тоном, чтобы не подогреть и так накалившуюся атмосферу:

– Ты, Ваня, не прав, что Валерку винишь. Коли против ты был, надо было тогда под дубом возражать. Валерка правильно поступил, что девчонку успокоил и помощь предложил. Что мы, по-твоему, должны были сказать ей? Ты, девчонка, тут посиди, поплачь да продолжай дальше обиды терпеть, а мы поедем, у нас своих забот хватает. Так, что ли? Нет уж, Ваня. Мы теперь вместе за всё отвечаем. А знаешь, когда ты на это подписался? Не час назад и не два, когда девчонку жалели, а ещё вчера, когда школу прогулять согласился и ехать с нами сюда.

После короткой паузы я продолжил:

– Но и правда на твоей стороне тоже есть. Не можем мы Настьке помочь сейчас. Лишнего на себя взяли – сами виноваты. Наобещали с три короба, а теперь только опомнились, думать начали. Дурни бестолковые. Будет нам уроком теперь. Видит Бог, мы здесь бессильны. Поехали отсюда. Раньше уедем – быстрее всё это забудем.

Сказав это, я попеременно окинул взглядом сначала Валерку, а затем Ваньку. Валера смотрел куда-то в сторону с задумчивым угрюмым лицом, а Ваня уставился на раскиданные по столу игральные карты и тоже о чём-то думал.

Я встал из-за стола, сгрёб все карты в кучу, сложил их в стопку, после чего убрал в рюкзак и сказал:

– Едем.

Я подошёл к велосипеду, поднял его и вскочил на седло; то же самое сделал и Ванька. Мы обернулись и посмотрели на Валеру – он по-прежнему безучастно смотрел куда-то вдаль.

– Валера, – обратился я к нему.

Он посмотрел на меня, потом на Ваню, затем оглянулся по сторонам; потом он глубоко вздохнул и едва слышно ответил:

– Поехали.

Мы направились в сторону центральной улицы. По ней мы проехали не более трёх кварталов и выехали из города. До Бородинского поля оставалось около пятнадцати километров.

По мере того как мы удалялись от Можайска, настроение моё не становилось лучше. Я не мог выбросить из головы бесчисленные навязчивые переживания обо всём, что произошло с нами сегодня. Мне было так горько оттого, что ещё недавно мы уверяли маленькую девочку, что вскоре расправимся с её обидчиками, а теперь мы мчали прочь, старательно утешая себя, что ничем не можем ей помочь. В этот самый момент мне казалось, что я ненавижу себя. Мне невероятно сильно хотелось наказать себя за то, что я оказался таким безвольным, за то, что я так легко отступил и сдался. Мне хотелось бить себя по лицу, хотелось рухнуть на асфальт и биться об него головой, пока не потеряю сознание, – лишь бы скорее забыть всё это. Но это

нисколько бы мне не помогло, потому что первым, что вернулось бы ко мне вместе с сознанием, стали бы воспоминания о моём непростительно трусливом поступке.

Когда от Можайска нас отделяло уже около двух километров, я всё ещё продолжал находиться в таком же подавленном состоянии. У меня начинало исчезать желание куда-либо ехать, и я остановил велосипед. Так как я следовал замыкающим, ребята не заметили, что я отстал. Я хотел крикнуть им, чтобы они остановились, но не стал. Я был настолько подавлен, что, казалось, потерял дар речи. Тем не менее я был уверен, что друзья вот-вот заметят моё отсутствие и остановятся. Но они продолжали удаляться и, когда машинально оглянулись назад, увидели, что я уже был далеко позади. Я едва мог различать их фигуры, вероятно, как и они мою. Ребята подождали меня какое-то время, но, убедившись, что я нисколько не приближался, повернули назад. Когда они подъехали ко мне и увидели, что мой велосипед был цел и невредим, лица их изобразили недоумение, словно они не могли понять, что же заставило меня остановиться.

– Так нельзя, – сказал я им.

Тут их взгляд переменялся, они мгновенно поняли, что я имел в виду.

– Думаешь вернуться? – спросил Валерка.

– Поехали к железной дороге. Попробуем найти их. Давайте хотя бы посмотрим, с кем придётся иметь дело в случае выполнения нашего обещания. Авось на месте что-нибудь да сообразим. А может, этот Игорь вообще один нам попадётся. Втроём-то мы его лихо прижмём. Ну не можем мы вот так взять и уехать. Мне моя совесть покоя долго не даст, уж я-то знаю, – слова мои были пропитаны не столько уверенностью, сколько надеждой на удачу.

– Давай попробуем! – воскликнул Валера с таким воодушевлением, словно только и ждал от меня этих слов.

Взгляд его наполнился чувством уверенности, он более не колебался и был полон решимости что-нибудь предпринять. Такая резкая перемена состояния моего друга не могла меня не подбодрить.

– Что думаешь, Ванька? Рискнём? – спросил я Ваню, предчувствуя, как с его уст сорвётся уверенное «да».

Я даже посчитал этот вопрос излишним, ибо предполагал, что Ванька и так перенял наше состояние духа. Однако вопрос обернулся внезапной трещиной в нашей дружбе, а всё потому, что от Вани последовал ответ, которого мы никак не ждали.

– Нет уж, ребята. Видать, не расслышали вы тогда в беседке моих доводов. Не понимаете вы, на что хотите пойти. Тут я вам не помощник. Мне моя жизнь дороже понтов перед девчонкой. Дальше езжайте без меня, – именно так прозвучало то самое ожидаемое мной уверенное «да».

Услышав это, Валерка отвернулся в сторону, будто был оглушён жестоким ударом в самое сердце. Он не произнёс ни звука, а лишь сжал руками руль велосипеда так сильно, что тот жалобно скрипнул. Было видно, как Валера что есть мочи старался сдержаться и не наброситься с кулаками на Ваньку, в котором в тот момент, по-видимому, разглядел самого гнусного в мире предателя.

Меня, как и Валеру, очень поразил такой ответ, но яд предательских слов, пойманный слухом из уст близкого друга, видимо, не так быстро проникал в моё сердце – я всё же нашёл в себе силы ответить Ване спокойным, но пропитанным раздражением голосом:

– И куда же ты ехать собрался, если не с нами?

– А домой поеду. За два с половиной часа доберусь, ещё успею до темноты. Родителям скажу, что не захотел идти в поход.

Ваня произнёс это так спокойно и безэмоционально, что это повергло меня в ещё большее раздражение, ведь мы с Валерой буквально выгорали изнутри от его обидных слов, а он продолжал оставаться таким невозмутимым.

– Неужто ты сейчас серьёзно, Ваня? – спросил я его, словно надеясь, что всё сказанное им было нелепой шуткой.

Ваня по нашему поведению понял, что мы были ввергнуты в смятение его равнодушием, и как бы в своё оправдание добавил:

– Вы, ребята, не имеете права зло на меня держать. Зря вот вы сейчас меня виноватым выставляете. Нечего меня в изменники записывать. Я вас предостеречь хочу, а вы артачитесь. Ну так и будьте наказаны собственным упрямством. Сами скоро пожалеете, что меня вовремя не послушали.

Закончив говорить, он поглядел в обе стороны и, убедившись, что поблизости нет машин, поехал в направлении Можайска, который, вероятно, хотел побыстрее миновать и вырваться на прямую дорогу до дома.

Меня охватил такой страшный гнев, что я крикнул ему вслед изо всех сил:

– Да чтоб тебя первый же грузовик по дороге размазал!

Когда я произнёс это, мне стало невыносимо стыдно, что я дал волю эмоциям; всё же я совсем не желал смерти человеку, которого ещё так недавно считал хорошим другом.

Валерка тем временем продолжал смотреть на обочину. Я не видел его лица, и на миг мне почудилось, что он плачет, хотя я никогда не видел слёз на его глазах. Когда Ванька уже отдалился метров на сто, Валера повернулся ко мне. Лицо его было безжизненно бледным, словно онемевшим. Казалось, если бы он даже захотел заплакать, то не смог бы – настолько разбитым и померкшим виделся мне его взгляд.

– Злишься на него? – спросил я.

– Если ты про Ваньку, то я не хочу сейчас об этом говорить, – холодно ответил Валера.

– Попробуем доехать до станции? – я сменил тему диалога.

– А ты знаешь, как ехать?

– Да в Можайске ориентируемся.

Мы направились в ту же сторону, что и Ванька, но он уже скрылся за горизонтом и мы не могли его видеть. Солнце почти полностью провалилось в пучину бесчисленных придорожных сосен и едва пригревало нас со спины. До наступления темноты оставалось чуть более двух часов, но всё вокруг: воздух, дорога, земля – излучало накопившееся за день мягкое тепло весеннего дня. Наверно, мы наслаждались бы столь дивным весенним вечером на просторах Бородинского поля, если бы несколько часов назад не решили скрасить послеобеденный отдых карточной игрой в старом городском сквере. Но судьба распорядилась так, как распорядилась, и не то волею случая, не то движимые чувством долга мы мчали к месту, которое навсегда сохранит в себе память о событиях, произошедших там с нами в скором времени.

Прежде я бывал в Можайске не один раз, и когда мы вернулись в город, я сумел легко сориентироваться и вспомнил кратчайший путь к железной дороге. Мы решили, что попытаемся найти человека, похожего на описание Игоря, и понаблюдаем за его действиями со стороны. Такое безобидное столкновение не могло угрожать нам конфликтом, поэтому мы отправились на станцию без какой-либо опаски, оставив наши велосипеды прислонёнными к одиноко стоящему возле дороги фонарному столбу.

Войдя на маленький городской вокзальчик, мы обнаружили лишь несколько человек, стоявших в очереди у билетной кассы, да престарелую женщину, сидевшую на краю скамейки и, судя по всему, ожидавшую поезд.

– Очевидно же, что здесь их нет. Не станут же они шуметь и распивать алкоголь тут, на станции, где дежурит милиция. Они должны быть где-то неподалёку в тихом, безлюдном месте, – высказал я свои догадки Валере.

– Пойдём ещё на платформу, поглядим там, – ответил Валера, рассредоточив свой взгляд по сторонам, словно всё ещё выглядывал какие-то лица.

Мы вышли из здания на улицу. Перед нами открылся вид на заполненную людьми платформу, на которую можно было выйти по переходному мосту. Людей было много, видимо, вот-вот должна была подойти электричка. Хотя мы слабо верили в то, что Игорь и его шайка могли окопачиваться непосредственно на платформе, мы решили подождать, пока подъедет электричка и заберёт людей, чтобы перед нами открылась куда менее многолюдная площадка. Нам не пришлось прождать и минуты, когда раздался глухой, знакомый уху гудок приближающегося поезда. Скоро со стороны Москвы появилась увеличивающаяся в размерах вереница зелёных вагонов, а через мгновение на западе показался второй состав. Уже через минуту две электрички стояли с обеих сторон платформы, на которой беспорядочными потоками рассредоточились входящие и выходящие люди. Чтобы лучше видеть, что происходит, мы забрались на переходной мост и стали наблюдать за всем сверху. Скоро обе электрички подобно двум зелёным змеям расползлись в противоположные стороны, и перед нами открылась опустевшая станция. По платформе рассредоточилось около дюжины человек, но среди них не было никого, кто хотя бы отдалённо подходил под имевшееся у нас описание обидчика. Я внимательно огляделся по сторонам, и на глаза мне попала гряда каменных плит, возле которой толпились какие-то люди. До неё было не менее трёхсот метров, и разглядеть людей было крайне трудно.

– Смотри! – я хлопнул Валерку по плечу и указал в то самое место.

Валерка какой-то миг искал глазами ту точку, на которую я, по его мнению, мог указывать. Вдруг взор его застыл – он увидел то же самое, на что обратил своё внимание я.

– Пойдём, поближе посмотрим, – сказал он мне.

Мы спустились с моста на платформу и побежали по ней в сторону привлёкших наше внимание толпившихся людей. Когда мы добежали до края платформы, до них оставалось лишь несколько десятков шагов. Вся картина открылась перед нами как нельзя чётче. Мы остолбенели, потому что мгновенно поняли: перед нами были те самые люди, которых мы искали.

На стопке каменных плит с дымящейся сигаретой в руке сидел и громко смеялся худой и высокий рыжий парень. Рядом с ним стояла алюминиевая пивная банка. Несомненно, это был Игорь. Возле него сидел с закрытыми глазами сутулый веснушчатый парень лет семнадцати и держал в руках продырявленную пластиковую бутылку, из которой сочился дым, – очевидно, там тлел гашиш. На земле трое парней в кожаных куртках собрались в круг и громко заливались смехом. Один из них был довольно плотным и рослым. Лысая голова его сверкала на солнце, как золотой купол. В правой руке он крутил какую-то цепочку, а в левой сжимал опустошённую пивную банку. В метре от них сидело двое подростков, прислонившись к сложенным в стопку плитам. Один из них, казалось, уснул, а второй смотрел куда-то вдаль потерянными глазами. Возле них стояло несколько пивных банок и три бутылки из-под водки. В стороне стояли и о чём-то громко ругались девушка лет семнадцати-восемнадцати с взъерошенными рыжими волосами и тех же лет парень в одних только синих джинсах да носках. Он слегка покачивался, в руке его была полупустая бутылка водки. В нескольких шагах от всего этого сборища на ржавых рельсах, по которым, видимо, давно не ездили поезда, в лёгкой коричневой куртке сидела девушка на вид чуть моложе остальных. Она сидела, отвернувшись от всех, и взволнованно курила.

Не теряя ни секунды после того, как мы пристально разглядели всё это зрелище, мы отбежали подальше от края платформы, чтобы не оказаться замеченными.

– Вот и нашли, что искали, – сказал я Валерке, – что будем делать?

– Та ещё компания, – ответил Валера. – Мы с тобой сейчас в пятидесяти метрах от логова самой проблемной шпаны этого городка. Однозначно, сунуться туда сейчас – признать себя безумцем. Я думаю, как только у них закончится выпивка, они начнут расходиться, и мы сможем поймать момент, когда Игорь останется без своих дружков.

– Будем ждать! – радостно воскликнул я и тут же обернулся посмотреть, не услышал ли меня кто из собравшихся неподалёку подростков.

К счастью, нас никто не услышал.

Мы вернулись за велосипедами и привезли их на станцию, чтобы они оставались у нас на виду. Мы сели на скамейку посреди платформы и стали ждать, пока вокруг Игоря не останется людей и мы сможем каким-либо образом запугать его, вступить с ним в драку или сделать что-то в этом духе. Но пока что мы слабо представляли себе, как сможем заставить этого негодяя расплатиться за страдания, причинённые им ни в чём не повинной маленькой девочке.

Мы сидели на скамейке и молча обдумывали события сегодняшнего дня. Солнце спускалось всё ниже, отбрасывая яркие блики на убегающие вдаль рельсы. День подходил к концу. Редкая электричка, прибывающая на станцию, нарушала тишину пьянящего мягкой прохладой весеннего вечера. Ясное небо постепенно тускнело; сквозь голубизну его начинали сыпаться едва заметные звёзды. Чем бледнее становился вечерний небосвод, тем ярче загорались они. Ещё до заката высоко над головой стал робко проглядывать жёлтый месяц, неспешно плывущий по небу. Уже через несколько мгновений пылающее солнце упало между рельсов и отразилось в них оранжевым пламенем. Едва на западе погасло рыжее зарево, как в противоположной стороне начинала стремительно расти тёмно-синяя полоса померкшего небосвода. От земли повеяло холодом; ржаво-жёлтый свет усталых фонарей залил станцию – день был окончательно поглощён неизбежной ночью.

Когда уже совсем стемнело, компания, за которой мы наблюдали, начала расходиться. Через полчаса у кучи бетонных плит оставались лишь Игорь и тот самый лысый человек с цепочкой в руке. Игорь не раз называл его Антоном, так что и я не побрезгую отныне упоминать его под этим именем. Подростки едва держались на ногах, их кренило из стороны в сторону. Они были сильно пьяны, и, когда ноги их окончательно обессилили, сели на землю, облокотившись на плиты. В руке у Игоря была на треть полная бутылка водки, к которой они с приятелем по очереди припадали губами.

– Мне кажется, они уже ничего не соображают, – сказал Валера. – Предлагаю внезапно наброситься на них, давай попробуем незаметно подкрасться. Видишь, там куча пустых бутылок. Я возьму одну и врежу посильнее этому бритоголовому. Когда он вырубится, мы займёмся этим самым Игорем.

Валерка произнёс эту речь таким голосом, будто почувствовал себя в тот момент блюстителем правосудия.

Убедившись, что поблизости нет поезда, мы спрыгнули с платформы и аккуратно стали пробираться вдоль бетонного забора. Мы хотели незаметно подползти к плитам с обратной стороны так, чтобы нас никто не увидел и не услышал. Сделав это, мы оказались лишь в метре от наших врагов.

– Подбеги к этому лысому и спроси у него закурить. Ты отвлечёшь его внимание, а я выскочу, схвачу бутылку и огрею его по голове.

– С Богом! – шепнул я себе и вышел из-за плит.

– Есть сигарета? – обратился я к обоим парням одновременно, робея, так как никогда не курил и мой вопрос казался мне неестественным.

– Откуда ты взялся, карапуз? Иди куда шёл, – ответил Игорь, окинув меня растерянным взглядом.

Тут оба приятеля переглянулись и залились гулким смехом. В этот самый момент выскочил Валерка, схватил с земли одну из пустых стеклянных бутылок и, подняв её над головой, подлетел к Антону со стороны, готовясь нанести удар; руки его дрожали. Валера уже успел замахнуться, как вдруг раздался гудок. От неожиданности Валерка вздрогнул; этой заминки было достаточно приятелю Игоря, чтобы рефлексивно подставить локоть под удар. Бутылка

врезалась Антону в локоть дном и отскочила на землю, так и не разбившись. Валера остолбенел, руки его опрокинулись.

– Щенок! Ну держись! – яростно воскликнул Антон.

Затем он с трудом попытался встать, чтобы дать сдачи Валерке, но, едва приподнявшись, тут же рухнул на землю – алкогольное опьянение дало о себе знать.

Он попробовал осуществить вторую попытку, но Игорь хлопнул его по плечу, так что тот вновь повалился, и сказал:

– Да сиди уже! Я сам!

Сделав гигантское усилие, он поднялся на ноги и, покачиваясь, уставился на нас, словно пытался разглядеть, кто мы такие.

– Ну, щенки, это вы зря! Держитесь теперь! – прорычал он так, что до нас дошёл запах перегара из его рта.

Сделав шаг в нашу сторону, подросток вдруг остановился. Его ослепил яркий свет фонаря – приближался поезд. Тут же раздался второй гудок; ослепительный свет фар осветил землю, и взор Игоря пал на кусок ржавой трубы, валявшейся возле путей.

– Ну я вам задам! – гаркнул он и пьяной походкой, редкими и неуклюжими шагами захромал к этой трубе, видимо желая поднять её, чтобы использовать против нас.

Мы хотели бежать, но едва мы обернулись, как врезались взглядом в грозную расплывчатую фигуру с осколком бутылки в руке – это был Антон.

– Стоять! – грозно закричал он на нас.

Машинально мы слегка попятнулись и вновь повернулись лицом к Игорю – он уже наклонился к трубе. Он хотел взять её, но, потеряв равновесие, сделал два шага вперёд и споткнулся о шпалу, вмиг повалился на пути. Силуэт его тут же озарило ярчайшим светом, раздался длинный, режущий слух гудок. Игорь приподнялся и попытался сойти с путей, но едва он успел привстать, как его тело соприкоснулось с холодным металлом наехавшего на него товарного поезда. Всё произошло мгновенно: мы уже не видели его мёртвого тела, а лишь могли наблюдать, как перед нами один за другим проносились вагоны постепенно снижавшего скорость состава. Антона, как и нас, охватило оцепенение, и он наблюдал за мелькающими цистернами с открытым ртом.

Вскоре он опомнился и заорал, впившись в нас злыми пьяными глазами:

– Сволочи! Убью!

От испуга мы сделали несколько шагов назад, но более отступить не могли – позади нас проезжал поезд, уже забравший жизнь одного человека. Озлобленный пьяница стремительно приближался к нам, размахивая в воздухе куском острого стекла. Мы замерли, словно были лишены чувств.

Едва я зажмурил глаза, как услышал громкий незнакомый голос:

– Стой!

Я тут же очнулся и увидел, как на Антона набросились двое крупных мужиков в оранжевых жилетках – это были сотрудники железной дороги. Они повалили его на землю и скрутили; Антон почти не сопротивлялся – реакция его была сильно заторможена действием алкоголя. Тут же прибежал и Ванька, мы были крайне удивлены его появлением.

Запыхавшись, он согнулся и схватился за колени, немного отдышавшись, отрывисто заговорил:

– Уф, ребята. Еле успели мы. Знали бы вы, кто этот лысый. Он четыре года назад по пьяни мужика какого-то до полусмерти избил, ещё одного ножом ранил. Ему тогда всего четырнадцать лет было, а он уже в детскую колонию попал. А когда вышел, буквально на вторые сутки за разбойное нападение на киоск опять туда же загребел. Недавно освободили, и буквально вчера в какой-то драке опять засветился. Короче, не успели бы мы – накинулся бы на вас с этой стекляшкой, ни секунды не колеблясь.

Я ничего не мог понять. Откуда взялись рабочие? Откуда появился Ванька? Откуда он всё знал про этого Антона?

– Откуда ты это знаешь? Как ты здесь оказался? – Валерка уже озвучил те вопросы, которые я пока держал в голове.

– Когда мы расстались, я поехал домой. От Можайска уже далеко отъехал. Всю дорогу думал, а тогда только понял, что я натворил, когда с десятков вёрст миновал. Тогда только осознал, как мерзко поступил с вами в самый ответственный момент, и закрутил педали назад что есть сил. Да только сил уж и не осталось, – сказал Ваня и горько улыбнулся. – До-ехал до станции, взбежал на мост и увидел вас и ещё двоих вон у той груды плит. Решил, что лучше на помощь позвать, вот и побежал вдоль путей. Встретил мужиков, рассказал им всё, мы и ринулись сразу к вам. Они по моим словам сразу догадались, кто этот лысый, от них и услышал его биографию.

Тут к нам подошёл один из рабочих и заговорил с нами:

– Так, ребята. Тут сейчас скорая будет и милиция. Человека поезд сбил насмерть, будут протокол составлять. Вы тут не виноваты. Это несчастный случай. А по поводу этого лысого не переживайте. Милиция приедет, дадите показания, что, мол, угрожал вам – ответит по закону.

С этими словами он пошёл вдоль остановившегося поезда к месту, где, вероятно, могло находиться тело погибшего Игоря. Второй рабочий остался следить за обезоруженным Антоном.

Я немного отвёл ребят в сторону и заговорил с ними шёпотом:

– Нельзя нам, пацаны, милицию ждать. Приедут – начнутся расспросы, заинтересуются, что мы вообще ночью делаем на станции. Могут в участок отвезти. Оттуда родителям позвонят, так и вскрыется вся наша трёхэтажная ложь.

– Ты прав, – ответил Валера.

– Ребята, возьмите меня с собой, – обратился к нам Ваня.

– А ты что же, с нами теперь надумал путь держать? – укоризненным тоном спросил его Валерка.

– Ребята. Друзья мои. Простите, что сразу с вами не пошёл, я по-свински поступил, я это осознаю. Не осознавал бы – не приехал бы сейчас. Мы отправились в этот путь вместе, а, стало быть, и трудности все суждено нам делить на троих. Обещаю вам, что какие бы новые приключения нас ни подстерегали, я вас не оставляю. Никогда не пожертвую дружбой ради собственной безопасности, – сказал Ванька дрожащим от волнения голосом, – мир?

– Мир!

– Мир!

– И ты нас прости, Ванька, если наговорили тебе чего лишнего, – сказал я.

– Я не сержусь, ребята. Вы же не со зла, вы имели на то право, – последовал ответ от Вани.

Мы простили Ване его поступок. Могли ли мы ещё злиться на него? Можно ли было счесть его предателем? Были ли мы сами виноваты перед ним в чём-либо? Мы слишком много пережили в этот день, чтобы у нас осталась хоть капля сил размышлять над этими вопросами.

Мы ещё раз окинули взглядом рабочих – они не смотрели в нашу сторону. Тогда мы ринулись к платформе, где стояли наши с Валерой велосипеды, а на мосту подхватил своего коня и Ванька.

Через минуту мы уже мчали прочь, а откуда-то с севера доносился вой сирены то ли скорой, то ли милиции. Вскоре мы уже выехали из Можайска и очутились на тёмной, неосвещаемой дороге. Лишь скупой лунный свет выделял полосу асфальта между чёрных деревьев.

Глава пятая

ИСТОРИЯ ВАЛЕРКИ

Холодны апрельские ночи. Ещё не померкнет небосвод на западе, как вдоль дороги обочины покрываются белым инеем. Пар, вырываясь изо рта, блестит под бледным лунным светом, ты весь дрожишь, а руки твои сжигает колкий нарастающий мороз, словно зима возвращается каждую ночь с приходом темноты и уползает, как змея под камень, с первым лучом утреннего солнца.

Дорога терялась во мраке, и лишь изредка автомобильные фары освещали нам путь. Мы невероятно замёрзли и были страшно голодны, потому что не ели с тех самых пор, как пошли в сквер. Из-за непроглядной тьмы и сильного холода нам приходилось ехать очень медленно, и как только нам попала первая дорожка, ведущая в лес, мы слезли с велосипедов и стали пробираться в глубокий мрак безмолвной чащи. Нам хотелось как можно скорее найти подходящую площадку и развести костёр, тепло и свет которого были для нас в тот момент самой заветной мечтой.

Вскоре нам попался сносный клочок земли. Осветив землю зажжённой спичкой, нам удалось собрать немного прошлогодних листьев и маленьких еловых веточек. С их помощью мы развели огонь, в который в скором времени стали подбрасывать всё более и более крупные ветки. Немногим позже костёр сдал давать достаточно тепла, чтобы мы могли согреться. В небольшой кастрюльке мы отварили гречневую кашу – это был наш запоздалый ужин. Мы так сильно устали, что предпочли отложить посиделки у огня на другой день и сразу после ужина разбили палатку. Ночевать нам пришлось во всей одежде под тонким покрывалом, которое догадался прихватить Валера, но под ним едва могло поместиться три человека. Тем не менее другого выбора у нас не было, а на улице понемногу становилось всё холоднее и холоднее.

Я долго не мог уснуть. Мне было зябко, земля казалась необычайно жёсткой, а когда я закрывал глаза, мне виделся тот самый зловещий поезд, снова и снова сбивающий Игоря. Я словно заново слышал локомотивный гудок, словно заново видел яркий свет фонаря, словно вновь и вновь наблюдал это страшное зрелище. Ребята, казалось, тоже не спали.

Я смог задремать, только когда костёр уже совсем потух и начинало постепенно светать.

Когда я проснулся, то оказался один в палатке. Я вылез из неё – ребята уже развели огонь, чтобы приготовить завтрак. Солнце застыло высоко в небе, близился полдень. На завтрак мы вновь отварили гречку, поскольку ничего другого у нас не осталось, кроме двух банок тушёнки, которые мы приберегли на вечер.

– Как думаете, далеко нам до Бородино ехать? – спросил Ваня то ли из любопытства, то ли просто чтобы разрядить напряжённо-молчаливую обстановку.

– Думаю, километров пятнадцать, а то и все двадцать, – ответил я.

Ваня тут же принял угрюмый вид. Если ещё вчера эта цифра не ввергала его в состояние тревоги, то сегодня эти самые пятнадцать километров могли обернуться для него настоящим испытанием: ноги его страшно гудели от вчерашних двадцати километров крюка, на которые он сам себя обрёл.

На этом наш утренний диалог закончился. Все мы были сильно утомлены событиями прошлого дня и оставались наедине со своими мыслями. Мы затушили костёр, молча собрали палатку и убрали в рюкзак посуду, после чего пошли в сторону шоссе, на ходу протирая ладонью влажные от росы седла велосипедов.

Настроение наше явно было подавленным, кроме того, ситуацию усугубляли полностью истощённые запасы воды. По шоссе мы ехали медленно, старались экономить силы. Нам часто приходилось делать остановки, чтобы подождать Ваньку, который постоянно отставал. Даже

на небольших подъёмах мы часто переходили на шаг, потому что Ваня уже едва мог крутить педали, да и нам с Валерой малейшие подъёмы давались с большим трудом.

Когда мы прибыли в Бородино, близился вечер. Первым делом мы купили в магазине воды и еды – на это ушли наши последние деньги. Немного передохнув, мы направились в Бородинский музей – небольшое здание, больше походившее на усадьбу.

Музейный сотрудник, пожилая рыжеволосая женщина крупного телосложения, оказалась на редкость добрым и разговорчивым человеком.

Увидев наши измученные лица, она не без удивления спросила:

– Ребята, что с вами? Вы еле на ногах стоите.

– Второй день едем. На велосипедах добирались сюда, – с застенчивой улыбкой первым ответил я.

– А дорого билет стоит? – спросил Ваня. – А то мы все оставшиеся деньги потратили на еду. Вот, посмотрите.

С этими словами он открыл рюкзак, в который мы сложили пирожки и пачку вафель, купленные в магазине, а затем добавил:

– Нам бы на этом ещё сутки прокормиться. У нас рублей двадцать мелочью осталось. Этого ведь не хватит на билет?

Тут женщина оглянулась по сторонам, словно хотела убедиться, что за нами никто не следит, и негромко ответила:

– Проходите так, ребята.

Она продолжала некоторое время смотреть на нас взглядом, преисполненным удивления, но так и не решилась спросить, что же заставило нас преодолевать такие большие расстояния на велосипедах и почему мы остались без денег и едва не были вынуждены голодать.

Так мы смогли попасть в музей бесплатно. Возможно, вход для школьников и так был бесплатным, но мне всё же было приятно думать, что эта женщина совершила для нас добрый поступок. И я не ошибся в её доброте. Когда мы выходили из музея, эта самая женщина подождала нас к себе и насыпала в наши карманы по горсти конфет. Такое заботливое отношение и внезапное пополнение провизии здорово подняли общее настроение и боевой дух; из музея мы вышли с куда более радостными лицами, чем зашли.

– Что дальше, ребята? – задался вопросом Валера.

– Давайте объедем окрестности и посмотрим на памятники, – предложил я. – А там можно будет и о ночлеге подумать.

Мы оба посмотрели на Ваню в ожидании услышать его мнение.

– Ну, думаю, других вариантов у нас всё равно нет, – ответил он.

Мы вскочили на наши велосипеды, почувствовав новый приток сил, и помчали по узкой асфальтовой дорожке, проходившей посреди безграничного чёрного поля, усыпанного хаотично раскиданными монументами, которые было легко заметить даже издали на фоне голубящего неба. Но вскоре усталость и боль в мышцах дали о себе знать, и мы сбавили темп, опасаясь, что к концу дня и вовсе лишимся последних сил.

К вечеру, когда солнце уже скрывалось за деревьями и вот-вот могло провалиться за горизонт, мы успели осмотреть все окрестности и вдоволь насладиться безграничным простором пустынного весеннего поля. Близ заповедника находилась железнодорожная станция, на которую нам довелось наткнуться во время нашей велосипедной прогулки. Сам заповедник раскинулся многочисленными памятниками и крестами по обе стороны узкой дороги, соединившей Можайское шоссе с железной дорогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.